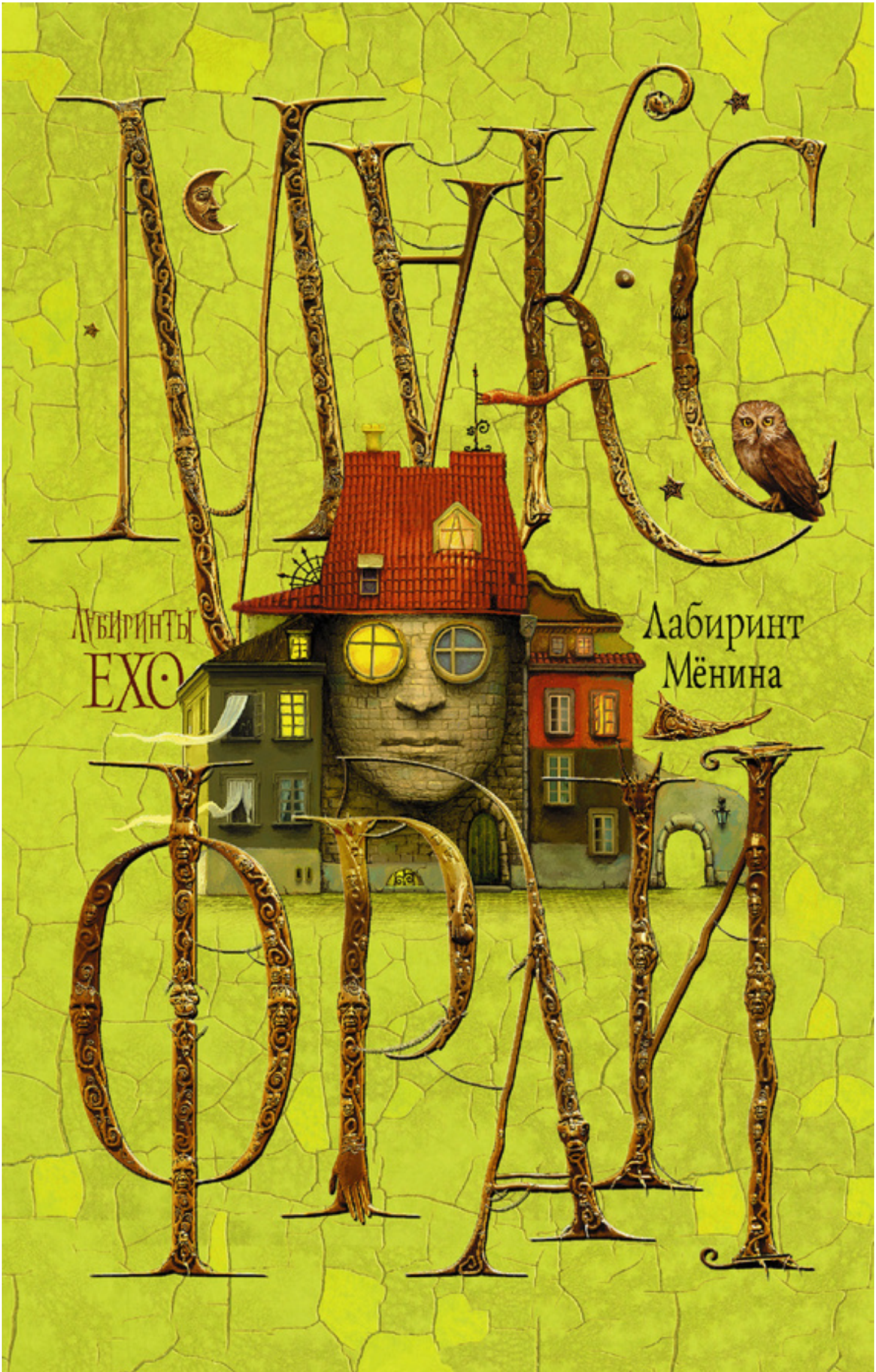
Лабиринты
ехо
Лабиринт
Мёнина

Лабиринты Exo

Макс Фрай

Лабиринт Мёнина (сборник)

«АСТ»
2000

Фрай М.

Лабиринт Мёнина (сборник) / М. Фрай — «АСТ», 2000 — (Лабиринты Exo)

Лабиринт Мёнина, существование которого не раз доказательно опровергалось крупнейшими теоретиками магии, что, впрочем, совершенно не мешает практикам его исследовать – это причудливое пространство, сотканное из фрагментов разных реальностей, подлинных и вымышленных, вперемешку. Путешественник по Лабиринту Мёнина не волен выбирать маршрут. И в то же время, только от его воли, настроения и ожиданий зависит, куда приведёт следующий шаг. Исполненный страха устремится к гибели, а весёлый и любопытный путник обретёт все чудеса мира.В этом смысле, Лабиринт Мёнина ничем не отличается от любой человеческой жизни.

© Фрай М., 2000
© АСТ, 2000

Содержание

Белые камни Харумбы 6
Конец ознакомительного фрагмента. 54

Макс Фрай
Лабиринт Мёнина (сборник)

Книга публикуется в авторской редакции

© Макс Фрай, текст
© ООО «Издательство АСТ», 2015

* * *

Now I'm not looking for absolution
Forgiveness for the things I do
But before you come to any conclusions
Try walking in my shoes

Depeche Mode, «Songs of Faith and Devotion»

Белые камни Харумбы

У сэра Джуффина Халли, безупречного практически во всех отношениях джентльмена, имеется одна-единственная скверная привычка, каковой, впрочем, вполне достаточно, чтобы свести в могилу человека, вынужденного ежедневно иметь с ним дело. Шеф обожает будить людей в самое неподходящее время.

Иногда я начинаю жалеть, что мы с ним не живем в простом и понятном мире, где деспотический начальник, возжелавший силой извлечь своего заместителя из сладкой тьмы сновидений, вынужден использовать примитивные технические средства связи типа телефона, пейджера или, на худой конец, посыльного, которому поручается жалобно мяукать под дверью несчастной жертвы до победного конца. Ибо телефон можно отключить и выбросить в окно, пейджер – растоптать, а потом утопить в унитазе, окна наглухо закрыть, установить бронированную входную дверь и обить ее войлоком (иногда лучше переборщить с предосторожностями). Потом следует заботливо обложить свои чуткие уши подушками, и пусть тогда хоть один гад попробует до тебя добраться.

Но меня угораздило надолго застрять в Мире, где существует Безмолвная речь. Поди скройся от неугомонного шефа, когда его коронная реплика: «Давай, давай, просыпайся!» – раздается не в телефонной трубке, а в твоей собственной голове, от которой никуда не денешься. Во всяком случае, сколько раз я пробовал игнорировать его настойчивый зов – безрезультатно!

Иногда я начинаю всерьез подумывать, что мне следует обзавестись уютной спальней в каком-нибудь ином Мире и завершать всякий рабочий день поспешным низвержением в Хумгат – отличная замена неторопливой прогулке по предрассветному городу. Зря я, что ли, так долго учился путешествовать между Мирами? Давно пора начинать применять сие таинственное магическое искусство в практических целях.

На сей раз злодей Джуффин умудрился разбудить меня ровно через час после того, как я наконец-то закрыл глаза. Но мои жалкие попытки объяснить шефу, что столь омерзительно я не чувствовал себя даже сразу после того, как умер, не произвели на него никакого впечатления.

«А бальзам Кахара тебе на что? – спросил он. – Целые поколения могущественных чародеев в течение долгих тысячелетий не щадили усилий, сберегая и совершенствуя рецепт этого бодрящего зелья. Должен же хоть кто-то применять его по назначению. Так что давай, исполняй свою историческую миссию, а потом поднимайся и приезжай ко мне домой. И учти, если через час тебя не будет, я начну рыдать в голос».

«Ужас какой, – вяло откликнулся я. – Погодите-ка, я должен приехать именно к вам домой, а не в Управление? Я не ослышался?»

«Ты не ослышался», – подтвердил Джуффин и умолк.

Оно и к лучшему – башка у меня гудела, как церковный колокол после вечеринки беспутных попов-расстриг, решивших как следует отпраздновать Хеллоуин. Что мне действительно требовалось – так это опустить голову на подушку и поспать еще часов семь, но я был вынужден ограничиться глотком тонизирующего бальзама.

Хвала Магистрам, это простенькое чудо – всего-то восьмая ступень Черной магии – по-прежнему имеет некоторую власть над моим замордованным всяческими чудесами организмом. Во всяком случае, умываться я отправился уже в добром здравии. Я настолько пришел в порядок, что даже начал понемногу терзаться любопытством.

Приглашение Джуффина показалось мне довольно странным. Ну, положим, тот факт, что шеф разбудил меня всего через пару часов после того, как мы расстались, вполне в порядке вещей. Я – такое специальное полезное живое существо, над которым можно всласть поизмы-

ваться, когда под рукой нет какой-нибудь другой дежурной жертвы, а злодейская душа господина Почтеннейшего Начальника требует своего. Но какого черта он ждет меня дома? До сих пор наш кабинет в Доме у Моста вполне подходил для деловых встреч. К тому же Джуффин не такой уж любитель бессмысленных перемещений в пространстве. Вряд ли шеф стал бы приезжать с утра на службу только для того, чтобы через пару часов получить счастливую возможность лишний раз поскучать на сиденье собственного амобилера, едва ползущего с Правого Берега на Левый под управлением бывшего гонщика Кимпы. Значит, домой он вернулся внезапно. Хотел бы я знать зачем?

Мне пришла в голову совершенно крамольная мысль: на виллу господина Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска было совершено грабительское нападение, но я поспешно прогнал дурацкую идею прочь: совершенно невозможно! Хотя…

– Ничего не понимаю! – решительно заключил я, обращаясь к своему лохматому отражению в зеркале.

Отражение сочувственно покивало, кое-как связало непослушные космы в хвост и отправилось одеваться. Мне ничего не оставалось, кроме как послушно последовать его примеру.

На пороге спальни мне пришлось выдержать настоящее сражение со своим зверинцем. Армстронг и Элла, два мохнатых чудовища, которые когда-то были котятами, возмущенно мяукали: им, знаете ли, кажется, что я очень неплохая грелка для постели, где они обожают валяться. Друппи, хвала Магистрам, не мяукал, поскольку родился собакой. Зато этот непоседливый центнер всклокоченного белого меха решил, что я встал специально для того, чтобы прогуляться с ним по окрестным кварталам. Теперь пес восторженно прыгал вокруг меня и лез обниматься.

– Извини, милый, но тебе пока ничего не светит, – виновато сказал я собаке. – Скажи спасибо своему любимчику, сэру Джуффину, это он во всем виноват.

Друппи разочарованно присел на задние лапы и озадаченно помотал головой. Кажется, он просто не мог поверить, что человек, которому он после первого же знакомства отвел почетное место в своем любвеобильном сердце, мог сотворить такую вопиющую гадость – отвлечь меня от долгой прогулки с ним. Я ласково погладил большую умную голову собаки, подавил отчаянный зевок, поплотнее завернулся в Мантию Смерти и покинул свои апартаменты.

Нет ничего лучше, чем ясное, солнечное весеннее утро в старом центре Ехо. И нет ничего хуже, чем ясное, солнечное утро в любое время года и в любой точке Вселенной, если вам не дали выспаться. Поначалу мне приходилось подавлять настойчивое желание изловить всех солнечных зайчиков в округе и собственноручно набить морду каждому из них. У меня вообще весьма тяжелый нрав, а уж после принудительной побудки он обычно зашкаливает за отметку «отвратительный». Если бы сейчас вдруг выяснилось, что этому прекрасному Миру угрожает какой-нибудь очередной апокалипсис, я бы, скорее всего, вежливо осведомился, что я могу сделать, чтобы ускорить его наступление.

Но когда я пересекал мост Гребень Ехо, мне на нос села маленькая пестрая бабочка. Через мгновение она убедилась, что сей замечательный предмет не является цветком, и поспешно улетела, но моя хмурая физиономия уже расплылась в умиленной улыбке, каковая безнадежно заблудилась в окрестностях лица и продолжала блуждать там, даже когда я переступил порог гостиной Джуффина. А ведь я собирался начать наше общение с прочувствованного монолога на тему «сэр Макс тоже живой человек». Намечалось даже небольшое театрализованное представление. Пожалуй, обошлось бы без продолжительных глубоких обмороков, но я твердо вознамерился воздеть воспаленные очи к небу, драматически стиснуть виски дрожащими пальцами и зевать до хруста за ушами. Не могу сказать, что я действительно надеялся, будто мне удастся растрогать этого злодея, но я был просто обязан попробовать.

Ничего не вышло, к моменту встречи я пребывал в совершенно лучезарном настроении. Зато Джуффин был мрачен, как отражение грозовой тучи в тусклом зеркале. Он поднялся было мне навстречу, серебристое лоохи сверкнуло в лучах полуденного солнца, как крылья стремительной чайки, но на середине пути шеф вдруг передумал и рухнул обратно в кресло. Адресовал мне тяжелый испытующий взгляд исподлобья и отвернулся к окну.

– Можно подумать, что это не вы меня, а я вас разбудил, – заметил я, разглядывая его насупленные брови. – Что-то случилось?

– «Что-то случилось» – это еще слабо сказано, – буркнул Джуффин. – Скорее уж «стряслось». Или, если быть точным, неминуемо стрясется в самом что ни на есть ближайшем будущем. Да ты садись, Макс. Устраивайся поудобнее, разговор предстоит долгий. Извини, что я не дал тебе выспаться, но тут такое творится…

Он нетерпеливо махнул рукой и умолк, задумчиво уставившись в окно. Решал, с чего начать, я полагаю.

Признаться, я опешил, услышав его извинение. Приятно, конечно, иметь дело с вежливым человеком, но такое поведение совершенно не вязалось с обычными манерами шефа. Предполагается, будто каждый сотрудник Тайного Сыска должен испытывать глубокую искреннюю благодарность за то, что его до сих пор не убили, и больше ничего не требовать.

– Так что творится-то? – спросил я. – И почему вы решили встретиться со мной дома?

– Так лучше, – невнятно, но безапелляционно объяснил Джуффин. И довольно неуверенно добавил: – По крайней мере, есть надежда, что здесь нам никто не помешает. Хотя, если бы в нашем распоряжении было немного больше времени, я бы предпочел провести этот разговор на Темной Стороне. А еще лучше – в каком-нибудь ином Мире, где уж точно не будет никаких посторонних ушей. Но чего-чего, а времени у нас нет совсем.

– Так, я уже испугался, – вздохнул я. – Это о чем же, интересно, вы собрались со мной побеседовать? И с каких пор в нашем кабинете в Доме у Моста завелись чужие уши?

– Не бери в голову, Макс, – отмахнулся он. – И уж тем более, не трать силы на неубедительную имитацию какого-то бездарного испуга, излишества тебе не к лицу. Ничего страшного не происходит, просто… Одним словом, Нуфлин Мони Мах при смерти. Собственно говоря, этого следовало ожидать, но я думал, что старик продержится еще пару дюжин лет, как минимум.

– Магистр Нуфлин при смерти? Как такое может быть?

– А чему ты удивляешься? – пожал плечами Джуффин.

– Это как-то не вяжется с его имиджем, – растерянно объяснил я.

– Неужели до сих пор ты думал, что Нуфлин бессмертен? С чего бы это? Старик живет на свете довольно долго, и вот его время вышло. Такое, знаешь ли, со всеми случается, рано или поздно.

– Так, – решительно сказал я, с трудом подавляя желание устроить непродолжительную, но бурную истерику. – И что теперь? В Соединенном Королевстве грядут гражданские волнения в связи с предстоящей кончиной Магистра Нуфлина, великого и ужасного? Или волнения намечаются исключительно среди членов Ордена Семилистника? И нам придется расхлебывать эту несладкую кашу, сваренную из чужих амбиций?

– Да нет, не думаю, – отмахнулся Джуффин. – По моим сведениям, ничего подобного не намечается. Конечно, в делах такого рода всегда следует опасаться неприятных неожиданностей, но в любом случае все это пустяки. Суета сует и томление духа, как с некоторых пор любит выражаться наш сэр Мелифаро, пребывая в состоянии тяжелого похмелья. Кстати, он уверяет, что похитил сию мудрую сентенцию непосредственно из твоих болтливых уст. Звучит красиво, но излишне претенциозно, ты не находишь?.. В общем, с политической стороной проблемы мы как-нибудь разберемся, если вообще будет с чем разбираться. Орден Семилистника, разумеется, не пользуется пылкой всенародной любовью, как и всякий правящий клан в любом

известном мне государстве, но, по большому счету, людям глубоко плевать на власть Ордена, им и без того есть чем заняться. Жизнь человеческая, знаешь ли, прекрасна и удивительна настолько, что в ней не так уж часто находится место скучной борьбе за власть. Разве что столичные жители по традиции все еще интересуются политикой, но после скандала с мемуарами Йонги Мелихаиса наши горожане, по-моему, приобрели устойчивое отвращение к беспорядкам. А если мальчики из Ордена сами решат устроить свару… Ха! Пока за оградой Иафаха хозяйничает наша Сотофа, я могу быть совершенно спокоен. Женщины Семилистника вполне способны призвать к порядку своих расшалившихся коллег, да так аккуратно, что ни одна крыша в Ехо не вздрогнет. В общем, забудь, сэр Макс. Это не наши проблемы.

– Отлично, – зевнул я. – Это самая лучшая новость со времен последней прибавки к моему жалованию. Но почему в таком случае вы не дали мне выспаться? Только не говорите, что, узнав о приближающейся кончине Магистра Нуфлина, вы почувствовали себя одиноко и вам захотелось немного подержаться за мою дружескую руку. Все равно не поверю.

– Еще чего не хватало! – фыркнул шеф. – Ну и воображение у тебя, мой бедный романтичный сэр Макс.

– Какое там воображение, – вздохнул я. – Обычный сарказм дурно выспавшегося человека… Нет, правда, зачем я вам так срочно понадобился? Или вы полагаете, что я могу вылечить Магистра Нуфлина? Шарахнуть Смертным Шаром и рявкнуть: «А ну быстренько выздоравливай, старый негодник!» А что, можно попробовать.

– Не стоит, – сухо сказал Джуффин.

– Всегда подозревал, что вы не слишком дружны, – хмыкнул я.

– Не говори чушь, – отмахнулся шеф. – Дружны не дружны – какая, к Темным Магистрам, разница? Как бы я ни относился к Нуфлину, но его смерть в данный момент представляется мне весьма досадным и несвоевременным событием. Так что если бы я полагал, будто ты способен его вылечить, мы бы уже ехали в Иафах. Но я заранее могу предсказать, что у тебя ничего не выйдет. Только, чего доброго, угробишь старика раньше времени.

– Почему это? – удивился я. – До сих пор из меня получался неплохой целитель. Во всяком случае, мои пациенты не жаловались.

– Попробовали бы они пожаловаться, – неожиданно рассмеялся Джуффин. И тут же снова насупился. – Дело в том, что никто не может помочь тому, чья сила превосходит его собственную. А вот навредить – запросто, если повезет, конечно. Так уж все устроено. Ну а Магистр Нуфлин – куда более могущественный колдун, чем ты, хотя в данный момент, конечно, для него и пальцем пошевелить – достижение. Тебе все ясно?

– Считайте, что да, – вздохнул я, хотя ни черта мне, конечно, не было ясно. – Доброго волшебника из меня, увы, не получилось. Карьера спасителя отечества и памятник в полный рост в холле главной резиденции Семилистника мне пока не светят. Тогда хоть камрой, что ли, угостите.

– Запросто, – просиял шеф. – Кимпа ее уже варит. В тазу, разумеется. Я предупредил его, что жду тебя в гости.

– Таз-то хоть большой? Или, как в прошлый раз, всего на дюжину литров? – невозмутимо осведомился я. Потом пригорюнился: – Не знаю, как вам, а мне грустно. По-моему, Магистр Нуфлин был вполне симпатичным дядей, что бы там о нем ни рассказывали.

– Прошедшее время не слишком уместно, – заметил шеф. – Нуфлин, хвала Магистрам, пока жив. А что касается твоих нежных чувств к умирающему старику, которого, объективно говоря, довольно трудно назвать «симпатичным дядей», – не могу с тобой согласиться, при всем моем к нему ува… м-да… Ладно.

Я с трудом сохранял серьезность, наблюдая его внутреннюю борьбу. В конце концов Джуффин решил не сотрясать воздух упражнениями по прикладному лицемерию и после небольшой заминки продолжил:

– Видишь ли, сэр Макс, дело не в личных качествах Нуфлина. Просто ты ему всегда нравился, а у тебя есть одно забавное свойство: ты всем отвечаешь взаимностью. И посему абсолютно не разбираешься в людях. Все, кому ты нравишься, по твоему глубокому убеждению – милейшие люди, а прочие – злодеи, каких мало.

– Ну да, – авторитетно подтвердил я. – По-моему, отличный способ определить, кто есть кто. Сами подумайте, это какой же надо быть сволочью, чтобы меня не любить.

– Да уж, – фыркнул Джуффин, вручая мне кружку с горячей камрой, каковая, вопреки его зловещим посулам, все-таки была сварена и подана не в тазу, а в обыкновенном кувшине, размеры коего, впрочем, впечатляли.

Мы немного помолчали. Я терпеливо ждал, когда шеф соизволит наконец объяснить, зачем я ему понадобился. А он внимательно разглядывал некую загадочную точку в пространстве, аккурат над моим левым ухом, и не торопился приступать к делу.

– Ну и дельце тебе предстоит, сэр Макс! – наконец сказал Джуффин и снова задумчиво умолк.

– Так все-таки есть дельце? – заинтересовался я.

– Ну да, – вздохнул он. – Нуфлин решил, что ты – именно тот единственный и неповторимый герой, который доставит его в Харумбу, в целости и сохранности.

– Очень может быть, – я пожал плечами. – При условии, что он знает дорогу. Лично я понятия не имею, что это за Харумба такая и где она находится.

– Да, об этом я тебе еще не рассказывал, – кивнул Джуффин. – Дабы не шокировать. А теперь расскажу, даже если уши заткнешь. Харумба – это Страна Мертвых, Макс.

– Вы не очень обидитесь, если я не буду падать в обморок? – сухо спросил я. – Нашли чем меня шокировать. А кто вам мертвого Йонги Мелихаиса за ручку привел?

– Да погоди ты, – отмахнулся Джуффин. – И имей в виду, тебе не очень идет образ бывалого человека, стреляного воробья, или как там это называется. Милое идиотское выражение искреннего удивления украшает твою физиономию куда больше, уж поверь мне на слово. Хотя бы потому, что оно больше соответствует истинному положению дел. Когда я говорю о Стране Мертвых, я имею в виду именно настоящую страну, расположенную на континенте Уандук, а не всяческие неописуемые уголки Вселенной, вроде того, откуда ты в свое время героически приволок нашего горе-писателя.

– Страна Мертвых находится на Уандуке?! И это именно страна?! Они там что, живут, как нормальные живые люди? Может быть, у них еще и король имеется? Или, чего доброго, президент? И дипломатические миссии в столицах дружественных государств? Как это может быть, Джуффин? Я все-таки немного знаю, что такое смерть.

– Знаешь, – спокойно согласился он. – Но очень и очень немного, как ты сам справедливо заметил. Обычно смерть раз и навсегда отлучает человека от привычного бытия, тут ты прав, разумеется. Но «обычно» – не значит «всегда». Из любого правила есть исключения, так уж все устроено. Харумба – место, где обитают эти самые исключения. Кстати, никакого короля в Харумбе нет. У них там, знаешь ли, своего рода демократия. Считается, что все равны перед лицом смерти. Особенно те, кому удалось от нее ускользнуть.

Шеф задумчиво умолк и уставился на меня тяжелым немигающим взглядом.

– Но… – начал было я.

– Не торопи меня, ладно? – мягко попросил Джуффин. – Я и так тебе все расскажу. Возможно, даже несколько больше, чем тебе хотелось бы услышать. Просто надо собраться с мыслями.

– Собирайтесь, – растерянно согласился я и потянулся за кувшином, чтобы подлить себе камры. Руки у меня дрожали – вот уж не знаю, с какой стати.

– Ох, нет ничего труднее, чем объяснять некоторые простые общеизвестные факты неофиту вроде тебя, – наконец заключил Джуффин. – Ладно, все равно придется хотя бы попро-

бовать. Итак, сэр Макс, в этом прекрасном Мире есть некоторое – не слишком большое, всего несколько сотен – количество счастливчиков, которым удалось победить смерть. По крайней мере, отчасти. Страна Мертвых Харумба была основана несколько тысячелетий назад коренными обитателями материка Уандук.

– То бишь эльфами, – кивнул я. – Или как их там по-научному?

– Кейифайи, – нетерпеливо подсказал Джуффин. – Как ты, надеюсь, и без меня знаешь, чистокровные эльфы живут столь долго, что их считают практически бессмертными. А вот их потомки от браков с людьми или крэйями редко живут подолгу. Некоторым эльфам присуще чувство родительской любви, и поскольку этим вечно юным беднягам то и дело доводилось одного за другим хоронить своих престарелых детей, они заключили, что следует попытаться как-то обмануть смерть. Продлить жизнь своих потомков на сколь-нибудь серьезный срок уандукские чародеи так и не сумели. Зато им удалось создать условия, в которых любой мертвец может продолжать привычное существование. При этом его личность остается неизменной, а телесные ощущения и душевные порывы, которые испытывает умерший в Харумбе, в точности те же, что при жизни.

– То есть вообще никакой разницы? – деловито уточнил я.

– Ну, мне трудно об этом судить, пока сам не попробуешь, не узнаешь, – осторожно ответил шеф. – Но говорят, что никакой, словно бы и не умирал вовсе. Есть только одно неудобство, с которым приходится мириться: умерший не должен покидать пределы Страны Мертвых, поскольку смерть терпеливо караулит его на границе Харумбы. Рассказывают, впрочем, будто Харумба – славное местечко и вполне заслуживает того, чтобы провести там не одно тысячелетие.

– Но почему в таком случае там хоронят не всех? – изумленно спросил я. – По-моему…

– Да-да, – кивнул Джуффин. – Бедный, бедный сэр Макс, у меня для тебя плохие новости. Стать одним из обитателей Страны Мертвых совсем непросто. Еще неизвестно, что труднее – получить разрешение на переезд в Харумбу или улизнуть от смерти в иную Вселенную. Свободный вход открыт только прямым потомкам хранителей Харумбы – небольшого закрытого сообщества очень старых кейифайев. Замечу, что никому из них уже давно не приходила охота обзаводиться новыми наследниками взамен упокоившихся в чертогах Харумбы, да и внуки с правнуками редко появляются в этих странных семействах. У остальных людей тоже есть шанс попасть в Харумбу, но он, мягко говоря, невелик. Два основных условия – личные достоинства и огромные деньги. Да, и еще нужно быть достаточно удачливым, чтобы не умереть насильственной смертью, поскольку возродиться к жизни в пределах Харумбы может только тот, кто умер в ее пределах, под присмотром и, так сказать, руководством ее хранителей.

– Личные достоинства, говорите? И деньги?! – я был ошеломлен. – Ничего не понимаю! А деньги-то тут при чем? Несложно смириться с тем, что бедняку не светит жизнь во дворце, хвала Магистрам, не в том счастье. Но шанс на бессмертие должен быть бесплатным, иначе свинство какое-то получается.

– Да, на первый взгляд требования хранителей Харумбы представляются весьма несправедливыми, – согласился Джуффин. – С другой стороны, справедливость как таковая вообще не является одним из непреложных законов Вселенной. Это понятие – всего лишь порождение великой потаенной мечты всякого человека получить хоть какую-то награду за свои истинные и мнимые достоинства, не оцененные ближними. Впрочем, хранителей Харумбы можно понять. Поскольку ребята дарят своим подопечным бессмертие, но не могут предоставить им полную свободу действий, они берут на себя обязательства содержать их в течение бесконечно долгого промежутка времени. И еще как содержать! Говорят, каждый обитатель Харумбы может устроиться с комфортом, какой не снился даже правящим монархам этого Мира, – если пожелает, конечно. Любителя простой жизни не станут принуждать купаться в роскоши. Но убежденных аскетов, знаешь ли, не так уж много, особенно после того как выяс-

няется, что заботиться о здоровье во имя долголетия больше не нужно. Словом, меня не удивляет, что минимальная плата за вход в Харумбу составляет около миллиона наших корон.

Я присвистнул. Все-таки корона Соединенного Королевства – очень крупная денежная единица. Семья средних горожан без особых претензий может очень неплохо прожить на эти деньги несколько дней, не пользуясь при этом щедростью Его Величества Гурига Восьмого, который, продолжая семейную традицию, приказал владельцам столичных трактиров бесплатно кормить всех голодных, а счет за убытки выставлять его казне.

Мое жалование, правда, составляет около тысячи корон за дюжину дней, но тут следует иметь в виду, что я у нас какой-никакой, а все же заместитель Почтеннейшего Начальника Тайного Сыска, его Ночное Лицо, как записано в официальных бумагах. Общеизвестно, что никому из государственных служащих в Соединенном Королевстве не платят столь щедро, как нам. Оно и понятно – если уж государство нуждается в постоянных услугах целой группы весьма могущественных колдунов, каждый из которых даже в одиночку вполне способен устроить согражданам новые Смутные Времена, пусть они будут настолько сытыми, насколько это возможно, – до икоты, до мучнистой отрыжки, до угрызений совести, в конце концов.

Но для того чтобы скопить целый миллион корон, даже мне потребовалась бы почти вечность, да еще и проведенная в режиме суровой экономии.

– М-да, пожалуй, бессмертие мне пока не по карману, – печально заключил я.

– Бессмертие по рецептам Харумбы тебе в любом случае не светит, как и прочим Вершителям, – с неуместной жизнерадостностью сообщил мой задушевный друг, сэр Джуффин Халли, злодей, каких мало. Посмотрел на мою разочарованную рожу и снисходительно добавил: – Не расстраивайся, сэр Макс. С другой стороны, теперь у тебя появился дополнительный стимул оставаться в живых как можно дольше.

– Логично, – вздохнул я. – Впрочем, я никогда не жаловался на недостаток причин оставаться в живых. Ладно уж, Магистры с ним, с уютным уандукским бессмертием, которое мне не светит. Но все равно нечестно получается. У хороших людей редко бывает возможность скопить миллион корон – да какое там, даже пару тысяч. Это не значит, что все хорошие люди обречены на карьеру портовых нищих, но целый миллион корон… Готов спорить, его даже у вас нет!

– Да, – спокойно согласился шеф. – Можешь себе представить, мне до миллиона недостает нескольких дюжин корон, я как раз недавно проверял свои текущие счета в Канцелярии Больших Денег. Самое удивительное, что этих нескольких дюжин корон мне уже лет сто недостает. Мистика какая-то, честное слово.

– Могу вам одолжить, – улыбнулся я. – Вот уж это точно не проблема. А вы в крак, небось, свой миллион выиграли? До выхода знаменитого Королевского Указа, гласящего, что господину Почтеннейшему Начальнику Малого Тайного Сыскного Войска навеки запрещается играть в карты в общественных местах во имя сохранения гражданского мира?

– Не весь, конечно, но какую-то часть, – с удовольствием подтвердил Джуффин. – Кроме того, не забывай: прежде чем стать господином Почтеннейшим Начальником, я довольно долго считался самым высокооплачиваемым наемным убийцей в Соединенном Королевстве. Карманы у меня в то время были дырявые, но кое-что в складках все-таки застревало.

– Вот! – ехидно сказал я. – Теперь понятно, кто в состоянии накопить на бессмертие в Харумбе: наемные убийцы и удачливые карточные шулеры. А что, прекрасная компания. Хотя мое чувство социальной справедливости по-прежнему бурно протестует против такого положения дел. Революцию, что ли, устроить? Под лозунгом: «Даешь бесплатный вход в Харумбу для мирового пролетариата!»

– Страсти какие, – снисходительно согласился Джуффин. – А что, действительно, организуй-ка восстание. А мы с Кофой будем его подавлять. Уж что-что, а это умеем. Главное, чтобы твой бунт обошелся без фатальных последствий. Компания в Харумбе действительно собра-

лась неплохая, грех такую портить. И знаешь почему? Потому что деньги – это почти обязательный, но далеко не единственный ключ от входа в Страну Мертвых. Ты уже забыл – в качестве решающего фактора я сперва назвал личные достоинства кандидатов и только потом упомянул размер вступительного взноса в этот самый дорогой из элитарных клубов. Чтобы окончательно закрыть вопрос о деньгах, замечу, что, по моим сведениям, примерно три дюжины нынешних обитателей Харумбы были допущены туда без платы за вход. С них не взяли ни гроша. Эти господа поселились в Харумбе по специальному приглашению ее старожилов.

– Небось, какие-нибудь знаменитости? – неодобрительно спросил я.

– Ну, не сказал бы, что такие уж знаменитости. Во всяком случае, далеко не все. Просто очень хорошие, вернее, в высшей степени приятные люди. Знаешь, из тех ребят, которые сразу же становятся душой общества в любой компании – неважно, попадут ли они к Королевскому двору или окажутся среди портовых нищих. Это врожденный дар. Встречаются ведь гениальные поэты или скульпторы – их даже учить ничему не надо, они от рождения способны творить чарующие вещи, для них это так же естественно, как для тебя клевать носом после бессонной ночи. Ну а иногда случается, что человек наделен даром создавать вокруг себя совершенно особую атмосферу счастливой легкости. Для этого вовсе не обязательно обладать острым умом, чувством юмора или даже природной добротой. Просто надо быть теплым, как этот нелепый древний камин в твоей большой гостиной.

– К которому все невольно придвигаются поближе зимним вечером, даже любители покритиковать его старомодный дизайн, вроде вас, – с невольной улыбкой закончил я. – Да, встречаются такие ребята. Жаль только, что редко.

– Действительно не так часто, как хотелось бы, – рассеянно подтвердил Джуффин. – Вот для таких людей вход в Харумбу открыт, можно сказать, настежь. Достаточно изъявить желание. Впрочем, парочка особо популярных знаменитостей в Страну Мертвых тоже просочилась – по многочисленным просьбам тамошних обитателей. Они ведь интересуются делами живых, совсем как провинциалы событиями в столице. Что же касается богачей, готовых уплатить вступительный взнос, им рекомендуется заявить о своем желании умереть в Харумбе заранее. Хранители Харумбы тщательно собирают подробные сведения о кандидате, а потом предоставляют эту информацию своим питомцам. И жители Страны Мертвых сами решают, хотят они заполучить такого соседа или нет. Они, знаешь ли, весьма переборчивы. Когда впереди уютная вечность, заполненная исключительно маленькими радостями бытия, любые перемены, в том числе и новые знакомства, начинают казаться не слишком привлекательными. У Магистра Нуфлина было не слишком много шансов получить приглашение в Харумбу. Он, мягко говоря, не обладает даром привлекать к себе любовь окружающих. Но ему здорово повезло: многие обитатели Страны Мертвых все еще любопытны, а Нуфлин является счастливым обладателем рекордного количества самых невероятных секретов, каковые с удовольствием разгласит после смерти – почему бы и нет? Так что его появление в Харумбе сродни покупке какой-нибудь тысячетомной энциклопедии «Тайны, чудеса и легенды Мира» для тамошней библиотеки. Но подобная энциклопедия вряд ли когда-нибудь будет написана, а Магистр Нуфлин – вот он, еще тепленький, сам в гости просится. К тому же Нуфлин будет первым настоящим магом, изъявившим желание поселиться в Харумбе. Обычно наш брат или умирает насильственной смертью, или всю жизнь ищет свой собственный способ с нею договориться. Некоторые даже находят – если очень повезет. Но Орден Семилистника, при всем его внешнем могуществе, так и не сумел набрести на тропинку, уводящую в сторону от смерти. А Нуфлин однажды понял, что уже стар и при всем желании не сможет обратиться к иной традиции: для этого ему не хватило бы ни времени, ни сил. Поэтому старик обратился к хранителям Харумбы и еще несколько лет назад получил официальное приглашение. Ему предложили уплатить пять миллионов корон – не то доплата за тяжелый характер, не то ребята просто решили, будто Нуфлин настолько богат, что с него следует брать как можно больше, – и приезжать в любое удобное

для него время. Деньги у старика действительно есть. Вернее, у Ордена Семилистника, который после похорон своего Великого Магистра станет, надо полагать, самой нищей шарашкиной конторой в Соединенном Королевстве. Но это их внутренние проблемы, нас они не касаются. У нас с тобой есть только одна настоящая проблема: прокатить Нуфлина до Харумбы.

– Тоже мне проблема, – фыркнул я. – Его-то перевезти – раз плюнуть. А вот деньги? Каким образом можно доставить на Уандук пять миллионов корон?! Я даже не решаюсь предположить, сколько весят такие деньжищи.

– Ну, для подобных операций, хвала Магистрам, существуют именные чеки, Вековечный Банк при Управлении Больших Денег и специальная Невидимая Флотилия, занимающаяся исключительно перевозкой ценностей. В ее составе служат уроженцы островов Укумбийского Моря, причем только члены семей, посвященных в древние обряды Морской Охоты – единственная надежная гарантия, что их суда никогда не будут ограблены пиратами. В общем, в Харумбе от Нуфлина не потребуют ничего, кроме чека.

– А значит, и беспокоиться не о чем, – оптимистически заключил я.

– Ты даже вообразить не можешь, какое количество поводов для беспокойства остается в нашем распоряжении. Во-первых, Нуфлина подвела его обычная прижимистость. Он откладывал отъезд в Харумбу, как скупые люди откладывают любую дорогую покупку. Ждал неизвестно чего.

– Ждал, пока припечет по-настоящему, – сочувственно кивнул я. – Могу его понять, просто невозможно заставить себя сделать некоторые вещи, пока тебя не припрут к стенке. И в первую очередь это касается визитов к врачу. А ведь поездка в Харумбу чем-то сродни посещению знахаря, верно?

– Ну, в каком-то смысле, – хмыкнул шеф. – Тебе-то еще простительно подобное легкомыслие, по молодости да по глупости многое сходит с рук. А вот Нуфлин мог бы быть хоть немного рассудительнее. Однако он тянул с отъездом до тех пор, пока смерть лично не заявилась на порог его спальни. Теперь у бедняги нет сил не то что добраться до Уандука – он с постели-то с трудом встает. И времени осталось совсем мало. Существуют, конечно, всякие снадобья, способные немного продлить его век, но они не всесильны. Старик проживет еще дюжину дней, может быть, две – если очень повезет. А попасть к хранителям Харумбы Нуфлин непременно должен живым. Воскрешать тех, кто умер своей смертью, там не умеют.

– Дюжина дней, говорите? – повторил я. – А что, вполне возможно. Когда мы с Кофой возвращались из Уандука на пузыре Буурахри, у нас ушло даже меньше времени. Вы же знаете, мы установили там магический кристалл, как на амобилерах…

– Ну да, и твоя любовь к спешке оказалась весьма кстати, – согласился Джуффин. – Поэтому, собственно говоря, Магистру Нуфлину и требуется твоя помощь.

– Но разве нельзя отправиться на Уандук Темным Путем? – нерешительно спросил я. – Это же еще быстрее, раз – и все!

– Быстрее-то быстрее, – вздохнул шеф. – Проблема в том, что сам Нуфлин теперь беспомощен как младенец, а чужое колдовство почти наверняка убьет его наповал. Во всяком случае, старик предпочитает не рисковать, и он совершенно прав. Поэтому у него теперь одна надежда: на тебя и чрезвычайно полезное шило в твоей заднице. Но если бы это было нашей единственной проблемой!

– А что, есть еще и другие проблемы?

– А как же. Ты, наверное, догадываешься, что за свою долгую жизнь Магистр Нуфлин успел нажить немало смертельных врагов. Но я уверен, у тебя не хватит познаний в арифметике, чтобы вообразить себе их число.

– Небось можно заселить пустой город? – в тон ему откликнулся я.

– Скорее уж обезлюдевшее государство, – шеф пожал плечами. – И знаешь, всех этих людей можно понять. Скажу больше, я не стану осуждать того, кто использует последний шанс

отомстить Нуфлину и помешает старику добрался до Харумбы, где его ждет весьма приятная, как говорят, разновидность бессмертия. Но в мои обязанности входит сделать все, чтобы наш Великий Магистр прибыл в Харумбу живым и, желательно, неповрежденным. Видишь ли, если Нуфлин лишится, к примеру, руки или ноги, хранители Страны Мертвых не смогут его исцелить, и бедняге придется влачить свое увечье сквозь грядущие тысячелетия.

– Ужас какой, – искренне сказал я. – А если бы у него, к примеру, были мигрени? Или больные зубы?

– Ну уж нет, от всяких простеньких недомоганий и старческих хворей обитатели Харумбы, хвала Магистрам, избавлены, – заверил меня Джуффин.

– Уже легче, – фыркнул я. – Вечность, заполненная всеми заработанными при жизни болячками, не самая приятная штука. Ладно, я уже понял, что доставить Магистра Нуфлина в Харумбу – не совсем то же самое, что отвезти красивую девушку на загородный пикник.

– Рад, что ты это понял, – флегматично откликнулся шеф. – Поскольку отправиться на этот, с позволения сказать, пикник предстоит именно тебе. Причем одному, без помощников.

– Одному?! Джуффин, а вы не перегибаете палку? Ну, положим, мое присутствие на летающем пузыре Буурахри действительно заставит его лететь гораздо быстрее, чем это обычно происходит. Но неужели вы считаете, будто я такой великий герой, что способен одной левой справиться с многочисленными врагами Магистра Нуфлина?

– Ну что ты, Макс, – мягко возразил Джуффин. – Разумеется, я так не считаю. Боец из тебя никудышный, по крайней мере пока. Будь моя воля, я бы тебя и близко не подпустил к этой дрянной истории. Беда в том, что Великий Магистр Нуфлин Мони Мах искренне полагает, что ты – тот самый единственный и неповторимый человек, который в целости и сохранности доставит к вратам Страны Мертвых его тело, в последнее время ставшее до неприличия бренным. Впрочем, если принять во внимание тот факт, что старик всегда был великолепным провидцем… Что ж, все может быть. В конце концов, ты у нас везучий.

– Ага, – угрюмо подтвердил я. – Только удача у меня, как бы это сказать… Несколько своеобразная, вы не находите?

– Это правда, – согласился шеф. – Но если ты думаешь, что я не пробовал переубедить Нуфлина, ты глубоко заблуждаешься. Я пытался. Скажу тебе больше, на этой почве мы даже поскандалили. Весьма бурно и, скорее всего, в последний раз. Больше просто не успеем. Я, знаешь ли, весьма настойчиво предлагал ему свою драгоценную персону в качестве охранника. И могу поклясться, столь благих намерений у меня еще никогда в жизни не было. Я лично знаком со всеми заклятыми врагами Нуфлина. С некоторыми был дружен, а кое-кто до сих пор мечтает впиться зубами в мою глотку – обычная история. По крайней мере, я совершенно уверен, что способен справиться с каждым из этих ребят, а многих мог бы просто вразумить, не доводя дело до драки, о чем и сообщил Нуфлину.

– А он что, сомневается в ваших способностях? – сварливо спросил я. – Этот бедняга искренне полагает, что я круче? Плохи же его дела.

– Да не то чтобы, – поморщился Джуффин. – Просто он мне не доверяет. Порой его осторожность и предусмотрительность граничат с обычной глупостью. Как ни странно, старик так и не научился разбираться в людях. Считает, будто все эти годы я вынашивал план страшной мести, и теперь рвусь воплотить его в жизнь. Но за что я должен ему мстить?! За то, что в начале Смутных Времен Нуфлин никак не мог решить, что лучше: убить меня или переманить на свою сторону? Какие пустяки. В ту пору и сам некоторое время раздумывал, не расправиться ли с ним при случае. Если уж быть до конца откровенным, мои колебания продолжались чуть ли не до последнего дня битвы за Кодекс – и что с того? Война есть война. Но мы оба, хвала Магистрам, остались живы. Какие тут могут быть счеты?

– А Лонли-Локли он что, тоже не доверяет? – упавшим голосом спросил я. – Из нас двоих могло бы получиться вполне сносное сопровождение. Я бы мог подгонять летающий пузырь и поплевывать ядом на тех злодеев, которых не успел испепелить сэр Шурф.

– Да, – согласился Джуффин. – Я тоже предложил Нуфлину такой вариант. Угробил чуть ли не час жизни на безуспешные попытки объяснить ему, что тебе потребуется надежное подкрепление. А уж человека надежнее сэра Лонли-Локли попросту не существует в природе. Но Нуфлин упрям как…

– Как осел, да? – горестно подсказал я.

– Я смутно представляю себе, что такое осел, но надеюсь, ты добросовестно подобрал для сравнения самую упрямую скотину во Вселенной, – шеф с досадой пожал плечами и умолк.

– И теперь мне предстоит в одиночку отбиваться от оравы разъяренных могущественных колдунов? – упавшим голосом спросил я. – Ну-ну. Ладно, если Магистр Нуфлин настаивает, можно попробовать, но боюсь, старик не представляет себе, сколь ничтожны его шансы благополучно добраться до побережья Уандука. И мои, кстати, тоже. Разве что повезет, и меня оставят в живых в качестве экспоната какой-нибудь частной коллекции трофеев. Надеюсь, я буду неплохо смотреться за стеклом витрины.

– Нуфлин почему-то совершенно уверен, что путешествие завершится благополучно, если сопровождать его будешь именно ты, – проворчал Джуффин. – Его доверие к тебе воистину безгранично. Умеешь ты, сэр Макс, пыль в глаза пускать, вот что я тебе скажу… Ладно, выше нос, на самом деле не так уж все и страшно. Во-первых, большинство противников Нуфлина ни на что толком не годятся без милой их сердцу угуландской Очевидной магии, каковая почти не работает на таком расстоянии от Сердца Мира. Во-вторых, я искренне надеюсь, что о вашем путешествии никто не пронюхает. Конечно, почти все эти ребята ясновидцы, и им нет нужды читать свежие газеты, чтобы узнать о ближайших планах нашего сияющего Магистра Нуфлина. Но и я, хвала Магистрам, не три дня назад колдовать научился. Да и помощники у меня будут превосходные. Вернее, помощницы. Поворожим вместе с Сотофой и ее девочками, напустим туману, так что самые выдающиеся пророки Мира будут в течение ближайшей дюжины дней давать неверные прогнозы по всем вопросам без исключения. Может быть, все обойдется, и единственной настоящей проблемой в предстоящем путешествии для тебя станет смертная скука.

Это его выступление мне, чего скрывать, очень даже понравилось. Хотел бы я только, чтобы тон шефа был хоть немного уверенней.

– Ехать-то когда надо? – спросил я.

Печальный опыт совместной работы с сэром Джуффином Халли научил меня, что на такой вопрос существуют два ответа: «Прямо сейчас» и «Вообще-то, надо было еще вчера, но…»

Однако на фоне моих мрачных прогнозов ответ шефа прозвучал весьма оптимистически:

– Сегодня ночью. Под покровом темноты – а как ты думал? Да, и имей в виду, Макс, об истинной цели твоей поездки не должен знать никто. Вообще никто. Думаю, ты сам понимаешь, что это требование продиктовано не моим нездоровым пристрастием к секретам, а исключительно необходимостью. Разумеется, я знаю, что среди близких тебе людей нет болтунов, но поскольку нам предстоит обвести вокруг носа не городских сплетников, а могущественных колдунов прекрасной эпохи…

– Я понимаю. Но имейте в виду: интуиция нашей леди Меламори – это нечто. Она ловит меня на вранье примерно за полчаса до того, как я начинаю искажать факты.

– Да пусть себе ловит, – пожал плечами Джуффин. – На здоровье. Лишь бы правды не знала. Передай ей, если очень рассердится, может отвесить тебе пару-тройку оплеух, я разрешаю. Официальная версия такова: ты срочно улетаешь в Куманский Халифат по личной просьбе тамошнего правителя Нубуйлибуни – как бишь его?..

– Нубуйлибуни цуан Афия, – подсказал я.

Забывчивость шефа изрядно меня обескуражила. До сих пор он никогда не путался в именах, даже самых заковыристых. Это как же надо было заморочить голову человеку.

– Ну да, ну да, – рассеянно согласился Джуффин. – Согласно нашей официальной версии, при Куманском дворе стряслось нечто из ряда вон выходящее. А поскольку у халифа остались чрезвычайно приятные впечатления от твоего прошлого визита, он попросил Его Величество Гурига, бла-бла-бла… Дальше и сам можешь досочинить.

– Могу. Дурное дело нехитрое. А сам цуан Афия, в случае чего, подтвердит эту информацию?

– Разумеется, не подтвердит, – шеф пожал плечами. – Но и не опровергнет. Он попросту проигнорирует всякий вопрос, исходящий от кого бы то ни было, за исключением разве что нашего общего приятеля Гурига. Некоторые владыки, знаешь ли, предпочитают общаться исключительно с равными. Но и своему коллеге ответит не раньше, чем через полгода, поскольку торопливость не считается достоинством, приличествующим правителям Куманского Халифата.

– Тоже верно.

Я невольно улыбнулся, вспомнив порядки Куманского двора, от которых и сам пострадал немало: чуть ли не две дюжины дней дожидался аудиенции у халифа. А ведь дело у меня было не просто срочное, а безотлагательное.

– В общем, так, – устало вздохнул Джуффин. – До заката можешь резвиться. Заодно и нашу официальную версию раструбишь на всех углах. И постарайся врать как можно убедительнее, я тебя умоляю.

– Ладно, буду врать, – пообещал я. И после небольшой, но напряженной паузы спросил: – Думаете, я серьезно влип?

– Как всегда, – ехидно ответствовал шеф.

– Какая прелесть, – буркнул я, уже с порога.

Впрочем, не такой уж скверной казалась мне жизнь, когда я покидал дом сэра Джуффина. Во-первых, на пороге топтался мой старинный приятель по имени Хуф. Я бережно взял собачку на руки, чтобы предоставить ему счастливую возможность облизать мой нос – до сих пор не могу понять, что привлекательного он находит в столь заурядном предмете. Во-вторых, солнечные зайчики по-прежнему жизнерадостно плясали на серебристой поверхности Хурона, не заботясь о безопасности многочисленных возниц, вынужденных пересекать мосты почти вслепую. И, в-третьих, пьянящий ветер дальних странствий уже кружил мою бедную глупую голову. Не могу сказать, что перевозка умирающих стариков на летающем пузыре Буурахри сквозь плотно сомкнутые ряды их старинных врагов – мое любимое занятие, но я очень люблю жизнь во всех ее проявлениях. При условии, что эти самые проявления отличаются некоторым разнообразием.

Одним словом, я был вынужден с некоторым удивлением признать, что настроен скорее оптимистически. Довольно странно, если учесть, что сам сэр Джуффин Халли явно не был уверен в благополучном исходе нашей похоронной процессии.

Настроение стало еще лучезарнее, когда я обнаружил, что владелец крошечного трактирчика, приютившегося в конце Гребня Ехо, выставил несколько столиков на свежий воздух – явление само по себе ничем не примечательное, если бы за одним из столиков не сидела леди Меламори. Ее яркое полосатое лоохи трепетало на ветру, как флаг неведомой державы. Любовь всей моей жизни наворачивала мороженое с энтузиазмом оголодавшего за зиму медведя-шатуна. Она еще и перемазаться умудрилась, совсем как наш пернатый умник Куруш, который, в отличие от нее, не имеет решительно никакой возможности пользоваться салфетками.

Меня она упорно отказывалась замечать, пока я не уселся напротив. Справедливости ради следует отметить, что появление моей физиономии в полуметре от ее носа заставило Меламори на мгновение оторваться от мороженого.

– Здо́рово! – обрадовалась она. – А я как раз тебя выслеживаю. До меня дошли слухи, что ты сидишь дома у нашего шефа. Кофа собственными глазами видел, как твой амобилер пересекал мост. Я предположила, что рано или поздно тебе придется покинуть сие убежище. И вот, как видишь, сижу, караулю.

– Гениально, – вздохнул я. – Собирать информацию ты действительно умеешь. А вот сидеть в засаде – не очень-то.

– Что, скажешь, я плохо сижу? – возмутилась она. – По-моему, так просто отлично!

– Никаких возражений, – моя улыбка помимо воли уползала куда-то за священные границы, в пределах которых, по мнению матушки природы, должна была простираться моя рожа. – Сидишь ты великолепно. И развлечение нашла достойное. Но вот меня так и не заметила. Скажу больше, даже если бы я не ехал по этому мосту в амобилере, а скакал по его перилам в чем мать родила, распевая народные песни жителей границ, ты бы вряд ли оторвалась от мороженого.

– Не преувеличивай, – строго возразила Меламори. – Ну, если бы ты просто скакал голышом, я бы, пожалуй, действительно могла пропустить это замечательное событие. Но если бы ты при этом еще и пел, мне бы кусок в горло не полез… А вообще-то, я решила, что в таком наряде ты и сам меня распрекрасно заметишь. И, как видишь, оказалась права. Так что я очень хорошо сижу в засаде, просто отлично сижу, и попрошу без грязных инсинуаций.

– Инсинуации были, признаю, – покаялся я. – Но не грязные. Я их мыл перед употреблением, честное слово.

– Ну извини, – снисходительно согласилась она. – Ежели мыл, тогда никаких претензий. В знак примирения могу угостить тебя мороженым. Только не вздумай тянуть лапы к моему, обжора! Я закажу еще одну порцию.

– Это кто еще обжора, – хмыкнул я. – Ладно, заказывай. Мороженого, камры и вообще всего, что душа пожелает. Будем кутить напоследок.

– Ты что, умирать собрался? – хладнокровно поинтересовалась Меламори. – Я бы тебе не советовала. Жизнь, знаешь ли, прекрасна и удивительна.

– Не умирать, а уезжать, – вздохнул я. – И теперь начинаю понимать, что это ужасно. Я уеду на этот грешный Уандук, а ты останешься здесь, и некому будет вытереть твой замечательный ротик, когда ты в очередной раз дорвешься до мороженого, – вот так!

Я наконец сделал то, чего мне хотелось с самого начала: использовал белоснежную салфетку по назначению и привел изумительное личико Меламори в полное соответствие с собственными консервативными представлениями об элементарных требованиях гигиены.

– А я измазалась? – смутилась она. – С ума сойти. В детстве не понимала, как людям удается есть мороженое и оставаться чистыми, и до сих пор не понимаю. С другой стороны, если ты все равно уедешь, какая разница – утираться или не утираться? По-моему, ты единственный человек во Вселенной, которого всерьез заботит эта проблема. Правда, есть еще мама, но с нею я вижусь так редко, что она не в счет… Ой, подожди, а ты что, действительно уезжаешь? Надолго?

– Не знаю еще, – я пожал плечами.

– А что ты забыл на Уандуке? – строго спросила она.

– Могу соврать, могу промолчать. Выбирай, что тебе больше нравится.

– Понятно, – вздохнула Меламори. – Расспрашивать бессмысленно, да? Ну тогда хоть соври, чтобы я была в курсе официальной версии.

Я послушно пересказал ей очередной шедевр сэра Джуффина Халли, который уже давно снискал себе славу если не самого талантливого, то, безусловно, самого плодовитого автора

в жанре художественной фальсификации. Господа журналисты могут «откусить», как любил говаривать мой старинный приятель Андэ Пу, великий поэт, а ныне гражданин далекого южного Ташера.

– Что ж, звучит вполне достоверно, – снисходительно согласилась Меламори. Потом загрустила – минуты на полторы, никак не меньше. Наконец бодро тряхнула отросшей челкой и снова принялась за мороженое.

– Макс, я давно хотела спросить: а ты очень ревнивый? – деловито осведомилась она с набитым ртом.

– Очень. С трудом удерживаюсь от желания запереть тебя в подвале на все время своего отсутствия. Впрочем, этот злодей Джуффин все равно быстренько тебя разыщет и выпустит. Не по доброте душевной, а чтобы на службу ходила. Мой тебе совет: больше никогда не задавай подобных вопросов глупым мужчинам, особенно накануне их отъезда. Это травмирует нашу нежную психику.

Меламори звонко расхохоталась.

– Ты решил, что я подыскала тебе подходящего заместителя? Ты гений, Макс, я бы ни за что не додумалась! Но вообще-то я имела в виду не себя, а Друппи. Собиралась узнать, будешь ли ты возражать, если я заберу к себе твою собаку? Пусть поживет со мной, пока ты проводишь ревизию многочисленных гаремов его Величества Нубуйлибуни цуан Афии. Я с ним буду гулять. По крайне мере, я вполне способна удержать его на поводке – в отличие от некоторых.

– Не преуменьшай мое могущество, и без того весьма сомнительное, – рассмеялся я. – А вообще это замечательная идея. Единственный известный мне способ не разбить его большое нежное сердце. Он тебя очень любит.

– Еще как! – подтвердила Меламори. – Знаешь что? – деловито спросила она, добивая мою порцию мороженого. – По-моему, нам с тобой просто необходимо прогуляться по городу. Без всяких там катаний на амобилере, скорбных поцелуев на прощание и потоков джубатыкской пьяни, чтобы залить горе.

– Отличная идея, – улыбнулся я. – Хотя от пары-тройки поцелуев на прощание я бы не отказался. Со своей стороны обещаю, что скорбными они не будут.

– Договорились, – кивнула она. – Но ведь у тебя, наверное, куча дел перед отъездом?

– Наверное, – равнодушно согласился я. – И единственный разумный поступок, который я могу совершить в данной ситуации, – это послать их подальше. Прогулка с тобой – единственное и неповторимое дело, которое я просто обязан довести до конца. Имей в виду, под «концом» я разумею именно прощальные поцелуи. Все остальное – к Темным Магистрам!

– Отлично! – резюмировала она и торжественно отставила в сторону обе опустевшие вазочки.

В ее темно-серых глазах плясали мои старые приятели солнечные зайчики. На сей раз они явились с официальным предупреждением, что нам с Меламори предстоит не слишком долгий, но чертовски хороший весенний день.

«Грешные Магистры, – подумал я. – Человек просто не может быть таким счастливым, это противно нашей природе. Наверное, я все-таки сумасшедший».

Определившись с диагнозом, я расслабился. Великодушно позволил себе и дальше пребывать в этом замечательном настроении.

Настроение мое переменилось только перед самым закатом, когда выяснилось, что мне все-таки пора пулей лететь на другое свидание – в Иафах.

Меламори, впрочем, выглядела вполне довольной. Сидела на краю моей постели и с удовольствием планировала их с Друппи счастливую будущность. Одна прогулка – утром, после завтрака, вторая – в обед, если удастся удрать со службы. И, конечно, вечером. Продол-

жительное путешествие по городу, пара-тройка дружеских визитов, полуночные посиделки в саду Лонли-Локли в обществе говорящего пса Дримарондо, одного из крупнейших любителей и знатоков древней угуландской поэзии. Слушая ее, я понял, что до сих пор совершенно не умел наслаждаться жизнью. Вот как, оказывается, надо.

– Не перегни палку, – попросил я, впопыхах запихивая в дорожную сумку какие-то бессмысленные предметы. – Складывается впечатление, что ты всю жизнь мечтала сплавить меня как можно дальше. Я рад, конечно, что ты не грустишь из-за моего отъезда… Ох, рад-то я рад, но мне обидно!

– Вот уж чего я точно не собираюсь делать, так это грустить из-за твоего отъезда, – неожиданно серьезно сказала она. – Ни за что! Слишком мелочное чувство. Не хочу его испытывать.

– Ты такая же сумасшедшая, как я сам, – удовлетворенно констатировал я. – Впрочем, нет. Ты гораздо хуже. Любой сведущий знахарь из Приюта Безумных был бы в ужасе, но мне нравится. Сумасшедшая птица, прилетевшая с Арвароха и ловко прикинувшаяся женщиной, вот ты кто!

– Любая женщина – сумасшедшая птица, – Меламори оставалась серьезной. – Любая, запомни это, сэр Макс! Проблема в том, что большинство женщин не стремится научиться летать. Им лишь бы вить гнезда. Просто беда с нами.

– Отличная метафора, – одобрительно промычал я, пытаясь затянуть ремень на дорожной сумке.

– Никакая это не метафора. Констатация факта, – вздохнула Меламори. – Мне-то повезло, я от рождения испытываю отвращение к витью гнезд. И именно поэтому – заметь! – решительно отказываюсь грустить по поводу твоего отъезда.

– А я решительно отказываюсь жить в мире, где нет тебя, – заключил я.

Еще минут пять я топтался на пороге. Наконец нашел в себе силы развернуться и уйти. Решил, что Великий Магистр Ордена Семилистника вряд ли должен расплачиваться жизнью за мою персональную слабость к затянутым прощальным сценам.

Джуффин ждал меня в Доме у Моста, так что я решил пройтись пешком, даром что ноги все еще гудели после многочасовых блужданий в обществе неугомонной Меламори. Когда дело доходит до пешей ходьбы, ее темперамент становится совсем уж невыносимым. Как я вообще ее в дом заманил – диву даюсь.

Теплый ветер донес до меня слабый аромат цветущих садов Левобережья; оранжевые и голубые огоньки один за другим загорались в окнах домов; звуки музыки выплескивались из распахнутых настежь дверей трактиров, которых в этой части Старого Города чуть ли не больше, чем жителей.

Я люблю Ехо почти так же сильно, как саму жизнь, и совершенно уверен, что у этого дивного города попросту не бывает плохих дней. Его мозаичные мостовые прекрасны всегда, в любую погоду, вне зависимости от моего дурацкого настроения. Они были восхитительны за много столетий до того дня, когда мои глаза впервые сощурились от сияния здешних фонарей; их красота будет кружить романтические головы и после того, как я отправлюсь на свою самую последнюю прогулку. И все же сегодня город был как-то особенно неотразим. Густая синева долгих сумерек, приправленная ароматами дыма, меда и мяты, ластилась ко мне, как огромная невидимая кошка, пока я неторопливо шагал в направлении улицы Медных Горшков, – маленькое, неброское, но совершенно необъяснимое чудо, предназначенное, кажется, для меня одного.

– Ах ты предатель! – ласково сказал мне сэр Кофа Йох, которого я поначалу не заметил.

Дело не в том, что в коридорах Управления Полного Порядка вечно царит полумрак, просто Кофа уже экипировался для очередного рейда по городским трактирам – закутался

всвой знаменитый укумбийский плащ, который способен превратить в невидимку даже такого солидного пожилого джентльмена, как наш Мастер Слышащий.

– Почему предатель? – опешил я.

– Ну как почему? Едешь на Уандук, прямехонько в объятия гостеприимного цуан Афии – и без меня! Неслыханное вероломство.

– Без вас – это ладно, он туда еще и без меня едет, гад такой! – сварливо сказал Мелифаро. Он выглянул из своего кабинета, заинтригованный звучанием наших голосов, и взирал на меня с таким упреком, словно я только что силой отнял несколько центнеров конфет у оравы голодных сирот.

– Моему адвокату дадут слово или меня сразу расстреляют? – осведомился я.

– А что такого интересного может сообщить твой адвокат? – полюбопытствовал Кофа. – Кстати, давно хотел спросить: что это за нелепая профессия?

– Адвокат – это такой специальный человек, который помогает влипшим в неприятности идиотам выкручиваться и оправдываться. Почему-то считается, будто сами они слова в свою защиту сказать не способны, – тоном знатока объяснил ему Мелифаро, большой любитель криминального кино моей исторической родины. – Но наш сэр Макс сам себе адвокат, одно удовольствие его слушать. Сейчас небось будет молоть какую-нибудь чушь о трудном детстве.

– Не дождетесь, – фыркнул я. – Хотя детство у меня действительно было то еще. Но по сравнению с предстоящей мне тоскливой поездкой в Куманский Халифат, без вас обоих – единственных существ, которые могли бы хоть как-то скрасить мое убогое существование, детство представляется мне не самой мрачной страницей биографии. Поэтому стреляйте, господа, мне терять нечего.

– Разжалобил, сволочь, – огорчился Мелифаро. И доверительно сообщил Кофе: – А я уж было морду ему бить собрался.

– Ни в коем случае. Теперь нам придется покупать ему пирожные, – тоном опытного врача, выписывающего рецепт, сказал Кофа. – А то как бы руки на себя не наложил. Макс умный мальчик и прекрасно понимает, что без меня в Куманском Халифате делать совершенно нечего.

– Нет, он наконец-то осознал, что это без меня там нечего делать, – гордо возразил Мелифаро. – По крайней мере такому зануде, как он. Я – единственный, кто мог бы его как следует напоить, а потом, возможно, и вытащить на увлекательную экскурсию по чужим гаремам. Но теперь… Чем он будет заниматься на досуге? Газеты читать?

– Хваленые куманские гаремы – ничто по сравнению с их кухней, – снисходительно отметил Кофа. Я в свое время как следует распробовал и то и другое, и могу тебя заверить…

Пока они препирались, я тихонько проскользнул в пустующий Зал Общей Работы, а оттуда – в кабинет шефа. Будь моя воля, я бы болтал с коллегами до наступления следующего утра, тем паче, что они как раз изготовились меня утешать, но время, увы, поджимало.

– Наконец-то! – с явным облегчением сказал Джуффин. – Я уж собирался посылать тебе зов. Только никак не мог подобрать достойные ругательства, способные внушить тебе некоторое уважение к начальству, а сэра Шурфа с его знаменитым конспектом рядом не оказалось. Он ушел пораньше, чтобы сопровождать свою собаку в Королевский Университет. Кстати, любопытно, этот пес все еще слушает лекции или уже ведет собственный спецкурс? Не знаешь? Ладно, пошли.

Не откладывая дело в долгий ящик, Джуффин стремительно покинул кресло и начал медленно погружаться в каменную стену.

Я судорожно сглотнул. Сколько раз мне доводилось принимать участие в подобных мероприятиях, но к некоторым вещам просто невозможно привыкнуть. Зажмурился и героически ломанулся следом за шефом. Пережил несколько не самых приятных секунд – с некоторых пор

я чертовски боюсь застрять в стене! – а потом с облегчением обнаружил себя в уютной темноте одного из многочисленных подземных переходов, соединяющих Дом у Моста с Иафахом, главной резиденцией Ордена Семилистника, благостного и единственного, если пользоваться казенной формулировкой, обязательной для употребления в официальных документах.

– Я решил немного сократить путь, чтобы избавить тебя от продолжения дискуссии о гаремах Куманского Халифата, – объяснил Джуффин, с ангельским злорадством разглядывая мою перекошенную рожу.

– Жизнь мою вы решили немного сократить, – проворчал я, к его неописуемому удовольствию.

– Ты дела-то уладил перед отъездом, герой? – лукаво спросил шеф, пока мы брели по темному коридору.

– Нет, – честно ответил я. – Понял, что на все дела у меня не хватит времени, и сосредоточился на главном.

Признаться, я думал, что сейчас мне заслуженно намылят голову. По идее, я должен был не предаваться романтическим прогулкам с любимой девушкой, а подыскать себе более полезное занятие. К примеру, передать сэру Шурфу толстенную стопку самопишущих табличек с отчетами из провинциальных отделений Тайного Сыска, каковые я тщился привести в порядок в течение последних дней. Работал с упорством тупого, но трудолюбивого первокурсника, корпящего над первым в жизни рефератом. Торжественный акт передачи следовало сопроводить краткой, но внятной лекцией о своих достижениях на этом поприще, дабы сэр Шурф мог продолжить и благополучно завершить мой скорбный труд. Кроме того, мне полагалось ввести Мелифаро в курс нескольких мелких дел, расследование коих почему-то входило в сферу моей компетенции; вызвать Нумминориха из внеочередного отпуска, каковой он получил исключительно по причине моей личной симпатии к его семейству; вручить очередную коробку «контрабандных» сигар из Щели между Мирами генералу городской полиции Бубуте Боху, чьи отношения с Тайным Сыском в последнее время опять начали усложняться… Ох, список мелких, но обязательных дел, каковые мне, по идее, полагалось привести в порядок перед отъездом, был настолько велик, что даже не умещался в моей бедной голове!

Но, к моему изумлению, шеф не стал ворчать, а одобрительно кивнул:

– И правильно. Хорош бы ты был, если бы провел день, закопавшись в эти грешные таблички.

– Ваша покладистость меня настораживает, – фыркнул я. – Начинаю чувствовать себя умирающим.

– А ты считаешь, что доброго отношения заслуживают только умирающие? – усмехнулся Джуффин.

Увы, ему так и не удалось поднять настроение – ни мне, ни, кажется, даже себе. Дело, скорее всего, было не в нас. Просто мы уже приближались к Иафаху, древние стены которого теперь излучали мрачное, гнетущее настроение. Казалось, еще немного, и оно начнет клубиться и оседать на пол невесомыми влажными клочьями, как зимний гугландский туман.

– Ужас, да? – шепнул Джуффин, открывая невидимую дверь, небольшой проем высотой чуть больше метра.

Нам пришлось вползать туда чуть ли не на четвереньках. Этот крысиный лаз привел нас в один из коридоров резиденции Ордена Семилистника. Проем тут же исчез, словно его никогда не было. Я не удержался от искушения и украдкой пощупал стену. Камни были прохладные и немного скользкие, как стены колодца.

– Конечно, ужас, – согласился я. – Похоже, строители Иафаха предполагали, что в гости к обитателям резиденции будут ходить исключительно маленькие дети. И еще гномы. Или это

такой простой, но эффективный способ заставить нас склониться перед могуществом здешних старожилов?

– Подозреваю, что ты прав, – проворчал шеф. – Впрочем, я имел в виду не вход, а поселившееся здесь настроение. Неужели не чувствуешь?

– Хотел бы я его не чувствовать. Просто я уже успел с ним смириться. Сначала решил, что это моя личная депрессия, а когда понял, что меня гнетет чужое настроение, так обрадовался, что перестал обращать на него внимание.

– Я тебе завидую, – буркнул Джуффин. – Меня редко пронимают подобные мелочи, но еще немного, и мне начнет казаться, что это я старый, больной и почти мертвый, а не…

– Ну, не все так ужасно.

Леди Сотофа Ханемер бесшумно вынырнула из какой-то ниши. По счастью, фирменная сияющая улыбка оставалась при ней, и даже изумительные ямочки на щеках были на месте.

– Выше нос, старый лис! – потребовала она, приподнимаясь на цыпочки, чтобы провести крошечной ладошкой по лбу сэра Джуффина Халли. – Когда все эти глупенькие мальчики, наши, с позволения сказать, Старшие и Младшие Магистры, бродят по резиденции с таким видом, словно твердо решили повеситься и теперь разыскивают подходящую веревку, это я еще могу понять. Но ты-то! Твой длинный нос создан не для того, чтобы его опускать. Верь мне, уж я-то знаю, что следует делать с носами.

– Вот ведьма! – восхищенно отозвался Джуффин. – Спасибо, Сотофа, я твой вечный должник. Как рукой сняло.

– Не «как», а именно рукой, – невозмутимо ответила она и повернулась ко мне: – Макс, ты-то с каких пор бродишь по свету с постной рожицей? Впрочем, не такая уж она у тебя и постная. Небось грустил за компанию с шефом? Этого требует служебная дисциплина? Тогда можешь смело начинать улыбаться, твой начальник уже вполне доволен жизнью.

– Я тоже, – искренне сказал я. – Быть недовольным жизнью в вашем присутствии – ересь и святотатство.

– Молодец, – одобрила леди Сотофа. – Чему ты точно успел научиться, так это делать мне удачные комплименты. Именно такие, которые мне нравятся. Если бы мы встретились в другой день, я бы непременно угостила тебя вареньем. Мои ученицы варят его из нераспустившихся бутонов айоххи. Эти сладкие цветы растут только на севере Черухты. И еще, разумеется, в нашем саду. Впрочем, не буду травить тебе душу. Идемте, мальчики, отведу вас к Нуфлину. Зря, что ли, я полчаса караулила вас в этом коридоре?

– Вообще-то я знаю дорогу. Или он спрятался? – Джуффин выразительно посмотрел на свою старинную подружку.

– Да не то чтобы спрятался, – рассмеялась Сотофа. – Просто сидит в саду, в хижине, которую я для него построила. Скажу тебе по секрету, Джуф: в этой хижине он мог бы прожить еще несколько лет, даже не прибегая к помощи знахарей. А если бы он послушал меня лет сто назад, когда я поняла, что его сила стремительно угасает, и предложила ему свою защиту, мог бы жить и жить, еще хоть тысячу лет. Тогда помочь ему было проще простого.

– Я помню эту историю, – кивнул Джуффин. – Нуфлин испугался, что ты получишь над ним слишком большую власть.

– Ага. Как будто мне нужна какая-то власть, – она высокомерно передернула плечами. – Но наш Великий Магистр не доверял никому, даже своему отражению в зеркале. По крайней мере, я не раз замечала, что он всегда отворачивается от зеркала, когда считает деньги или пишет какое-нибудь секретное письмо. Что ж, и кому от этого плохо? Иногда лучше быть простодушным, чем слишком уж хитрым – того и гляди перехитришь сам себя… Ладно, следуйте за мной.

Леди Сотофа провела нас в конец коридора и распахнула дверь, ведущую в сад. Он был великолепен, как всякий сад, погруженный в ласковую темноту весеннего вечера – невнятная, но щемящая смесь шорохов, теней и ароматов.

– Хижину, которую я соорудила для Нуфлина, почти невозможно обнаружить, – гордо сказала леди Сотофа. – Даже я сама могу сделать хороший крюк по окрестным кустам, прежде чем наткнусь на входную дверь. Не только сейчас, в темноте, но и при свете дня.

– Смотри-ка, не один Маба способен на такие чудеса, – обрадовался шеф. – Я думал, только он у нас горазд партизанить, ан нет. Знай наших!

– Ты так радуешься, словно это твое чудо, – насмешливо заметила леди Сотофа.

– В каком-то смысле немножко мое, – улыбнулся Джуффин. – Я ведь тоже из Кеттари, – И он два раза легонько стукнул по кончику собственного роскошного носа указательным пальцем правой руки. Ну как же, их знаменитый кеттарийский жест: «Два хороших человека всегда могут договориться».

– Ой, да ты не дурак примазаться к чужой славе! – звонко расхохоталась Сотофа. Ее беззаботный девичий смех рождественским колокольчиком зазвенел над унылой оградой Иафаха.

Жалкие остатки наголову разгромленной армии моих мрачных предчувствий трусливо ретировались в ближайшие кусты. Там, где присутствует эта могущественная ведьма с внешностью заботливой бабушки и манерами задиристой гимназистки, мрачным предчувствиям делать нечего.

Домик, где скрывался от смерти Великий Магистр Ордена Семилистника Нуфлин Мони Мах, мы все-таки нашли, хотя поплутать успели основательно. «Вот наворожила, вот расстаралась, а теперь сама мучаюсь!» – ворчала леди Сотофа.

Но наша экспедиция все же завершилась успехом. Джуффин неожиданно нашарил в темноте садовых зарослей входную дверь. Ничего удивительного, шеф частенько гостит в заколдованном доме Мабы Калоха. Надо думать, у него имеется совершенно уникальный опыт в делах такого рода.

Заждавшийся нас старик был не слишком похож на умирающего. Сидел в уютном кресле у дальней стены единственной комнаты. Сегодня я впервые как следует разглядел лицо Великого Магистра Нуфлина Мони Маха. До сих пор оно всегда скрывалось в полумраке под просторным капюшоном и даже при ярком освещении казалось скорее смутной игрой теней, вопиющим торжеством неопределенности, словно было создано не реалисткой природой, а учеником импрессионистов, старательным, не слишком умелым, но чертовски последовательным подражателем своих великих учителей.

Лик Магистра Нуфлина оказался довольно заурядным стариковским лицом, морщинистым, пучеглазым, горбоносым и суровым, как у пожилого конквистадора. Его выражение показалось мне скорее сердитым, чем страдальческим. Складывалось впечатление, что Великий Магистр был бы не прочь отчитать, а то и вовсе выпороть негодяйку смерть, которая позволила себе бестактно приблизиться к нему на непочтительное расстояние. Поскольку это его желание вряд ли относилось к числу осуществимых, Нуфлин решил отыграться на нас.

– Вы, как я погляжу, не слишком торопились, – сварливо сказал он. – В кои-то веки могли бы и подсуетиться. В конце концов, это происходит в первый и в последний раз. У меня нет скверной стариковской манеры умирать каждые полгода. Я, конечно, понимаю, вам таки поднадоело со мной считаться. Но что я вам скажу: могли бы еще немного потерпеть, не так уж долго осталось.

Джуффин едва заметно поморщился, я растерянно заморгал. Вот уж чего не ожидал, так это скучной свары напоследок. И только леди Сотофа, кажется, искренне наслаждалась происходящим.

– Не стоит тратить драгоценное время на спор с Джуффином, – наконец сказала она. – Если пожелаете, можете написать ему гору ругательных писем из Харумбы. Пересылайте их мне, и я даю вам слово, что заставлю его прочитать все, до последней строчки.

– Ой, Сотофа, ты такая мудрая, – проворчал Нуфлин. – Слишком мудрая для такой молодой девочки! Не к добру это.

Я не сдержал улыбку. Конечно, теоретически я понимаю, что Магистр Нуфлин старше леди Сотофы как минимум на тысячу лет. Но слышать, как совершенно седую старушку снисходительно называют «молоденькой девочкой», в высшей степени забавно.

– А ты, как всегда, ухмыляешься. – От зорких глаз Нуфлина ничего не ускользало, и теперь он решил приняться за меня. – Ну, объясни, что ты здесь увидел смешного? Посмотреть на тебя, так кажется, что нет в Ехо более счастливого юного оболтуса, чем сэр Макс из Тайного Сыска. Джуффин, за что ты ему деньги платишь? За «хи-хи»?

– Ну, если я буду сидеть с постной рожей, пока мы не доберемся до Уандука, вам же самому тошно станет, – огрызнулся я, чувствуя, что отчаянно краснею.

Как был всю жизнь стеснительным нахалом, так им и остался. Иногда мне кажется, что человека совершенно невозможно изменить, сколь бы усердно ни колотила по его башке маньячка судьба.

– Ну, положим, я еще сам не решил, что меня больше раздражает: постные рожи или глупые ухмылки, – проворчал старик. – Пожалуй, и то и другое. Так что будь любезен, отыщи золотую середину и постарайся изобразить ее на своем непростительно юном лице.

– Получил? – Джуффин дружески толкнул меня локтем в бок. Голос его звучал не то сочувственно, не то злорадно. – Зато теперь мы с тобой в одной лодке, – оптимистически добавил он.

– Господа, вы еще не заметили, что меня безмерно раздражает ваша жизнерадостность? – буркнул Магистр Нуфлин. – Сами могли бы сообразить: ни одному умирающему не понравится получать наглядные доказательства и без того очевидного факта, что его кончина не слишком огорчает окружающих.

– Ваша правда, – я почувствовал себя законченной скотиной. – Извините нас. Просто сейчас я чувствую себя скорее солдатом накануне сражения, чем гостем на похоронах. Сэр Джуффин здорово напугал меня рассказами о ваших могущественных врагах, которые будут подстерегать нас по дороге. И теперь я немного на взводе. А когда я на взводе, я начинаю хихикать по любому поводу и вовсе без.

– Ну и зачем ты так застращал мальчика, Джуффин? – укоризненно спросил старик. – В воспитательных целях?

– Просто я стараюсь быть откровенным со своими сотрудниками, когда это возможно. Человек имеет полное право знать, что ему грозит опасность. Хотя бы для того, чтобы не расслабляться и быть настороже.

– Пустяки, – отмахнулся Магистр Нуфлин. – Ничего с ним не случится. Будем надеяться, что со мной тоже. А теперь хватит болтать. Не знаю как вам, а мне время дорого.

– Безусловно, – кивнул Джуффин. – Пузырь Буурахри ждет вас в саду. Сэр Макс потрудился захватить с собой дорожную сумку. Насколько я успел вас изучить, прощальных сцен не намечается, верно?

– В таком случае помогите мне встать, – вздохнул Нуфлин. – Вот уж не думал, что однажды мне придется принимать чью-то помощь.

Его худое тело показалось мне почти невесомым. Я не ахти какой силач, но Магистра Нуфлина вполне мог бы пронести на руках через весь город. А рука, вцепившаяся в мое плечо, была такой холодной, что я ощущал ее ледяное прикосновение сквозь плотную ткань своей Мантии Смерти. Мне пришло в голову, что никогда прежде высокопарное название

моей одежды не было настолько уместным, как сейчас, когда мне пришлось стать кем-то вроде Харона, на чьем утлом челне отправляются в свой последний круиз мертвецы.

Магистр Нуфлин покосился на меня с некоторым любопытством. Я понял, что он по-прежнему способен читать сумбурное содержимое моей башки, как утреннюю газету, и с удовольствием это проделывает. «Еще один ясновидящий, – удрученно подумал я. – Похоже, обитателей этого Мира, не способных видеть меня насквозь, можно пересчитать по пальцам».

…Что касается летающего пузыря Буурахри, меня ждал очередной сюрприз. Я-то все недоумевал – каким образом умудрился его проглядеть, пока мы плутали по саду? А когда Джуффин остановился на краю поляны, засаженной мелкими белыми цветами, похожими на маргаритки, и торжественно заявил: «Ну вот», – я почувствовал себя полным идиотом.

Шеф укоризненно покачал головой.

– Чему ты удивляешься, Макс? Разумеется, я позаботился о том, чтобы сделать пузырь невидимым. Вернее, незаметным. Помнишь укумбийский плащ нашего Кофы? Ну так вот, я изучил его на досуге, и мне удалось сотворить подобное чудо с нашим летательным аппаратом. Не так уж это было сложно.

– Ну, я-то, положим, его вижу, – лукаво заметила леди Сотофа. – И вы видите, правда, Нуфлин?

– Можно сказать, вижу, – согласился Великий Магистр. – Но контуры дрожат и расплываются, а сквозь днище корзины просвечивает трава. Наверное, дело в том, что я очень ослаб. Но если его видит Сотофа… Джуффин, ты уверен, что хорошо заколдовал это летательное средство?

– Не знаю, хорошо ли, но, скажем так, – неплохо. Могу вас заверить, что наши горожане не увидят ничего, как и сэр Макс, – Джуффин отвесил мне комический поклон. – А это главное. В таком деле чем меньше определенности, тем лучше.

– Интересно, как я буду забираться в корзину пузыря, если я его не вижу? – спросил я, почему-то чувствуя себя обиженным. Они-то все видят, гады, чернокнижники проклятые, а я – нет.

– Не печалься, горе мое, – усмехнулся шеф. – Как только ты к нему прикоснешься… – Он взял меня за руку и опустил ее на шершавую поверхность корзины.

И я тут же увидел пузырь Буурахри. Он не возник из небытия внезапно, как в кадре фантастического фильма, – его очертания открывались моему взору постепенно. Нечто похожее происходит, когда глаза привыкают к темноте, и ты с удивлением понимаешь, что мутная мгла, окружавшая тебя минуту назад, представляет собой вполне упорядоченное пространство, расчерченное четкими контурами узнаваемых предметов.

Сначала мы со всеми возможными предосторожностями усадили Магистра Нуфлина. Хвала Магистрам, у него ничего не болело. Единственным симптомом надвигающейся смерти была сокрушительная слабость, которая лишила его не только магической силы, но и способности ловко управляться со своим худощавым телом. Потом я тоже забрался в корзину и удивился, не обнаружив там ничего похожего на удобное ложе для умирающего старика. Зато в корзине было установлено громоздкое кресло с высокой спинкой. Магистр Нуфлин устроился там, как император на троне: прямой позвоночник, руки аккуратно сложены на укрытых пледом коленях. Даже взор его теперь казался мне вполне пламенным – откуда только силы взялись?

– Вам будет удобно? – осторожно спросил я.

– Не слишком, – он пожал плечами. – Особенно когда мы поднимемся в воздух и начнется качка. Но если я улягусь, меня тут же станет клонить в сон. А смерти, знаешь ли, куда сподручнее подбираться к спящему. Умереть, лежа под одеялом, не входит в мои планы. Кроме всего, это попросту недостойно.

Я понимающе кивнул и обернулся туда, где стояли Джуффин и леди Сотофа. Они молча смотрели на Нуфлина. Ничего похожего на печаль не обнаружил я в их фосфоресцирующих очах – ни единого намека хоть на какое-то чувство, для которого можно отыскать название в одном из человеческих языков. И в то же время это нельзя было назвать равнодушием. Я каким-то образом чувствовал, что на дне их глаз таится боль. Слабую тень этой боли можно нашарить разве что в темной глубине слова «навсегда», произнесенного шепотом и без малейшего намека на пафос.

Они прощались. Не с другом, Магистр Нуфлин никогда не был другом – ни им, ни вообще кому-либо под этим небом – скорее уж со своим прошлым, неотъемлемой частью которого был умирающий старик, неподвижно застывший в кресле за моей спиной.

Хвала Магистрам, мне хватило ума не нарушать магию их расставания шумными воплями: «До свидания, Джуффин, я непременно пошлю вам зов! Надеюсь заглянуть к вам на кружечку камры, леди Сотофа, как только приеду!» Единственное, что я мог сделать – стать тишайшим из свидетелей, тенью, безмолвной и безучастной настолько, что ее присутствие ничего не меняет.

Я почти услышал нежный звон рвущейся серебристой паутины и понял: все, пора улетать. Прощание закончилось, теперь этих троих ничто не связывало. Даже их воспоминания друг о друге отныне надежно спрятаны в потаенную шкатулку, на крышке которой выжжена надпись: «Больше не имеет значения».

Пузырь Буурахри взмыл над землей, повинуясь моему приказу.

Я сидел на дне корзины и молча смотрел в небо, затянутое тучами. Удивительное дело, на сей раз я даже как-то не вспомнил, что боюсь высоты. Я вообще старался не забивать голову всякими ненужными мыслями. Просто смотрел на холодное зеленоватое свечение, очерчивающее контуры одного из облаков, а когда в неаккуратном лохматом разрыве показалась совершенно круглая луна, благодарно улыбнулся, сочтя ее появление добрым знаком.

– Пузырь действительно летит очень быстро, – шелестящий голос Магистра Нуфлина нарушил тишину. – И это лишний раз доказывает, что я сделал правильный выбор, когда настоял на твоей кандидатуре.

Мне показалось, что старик говорит вполне приветливо. Отсутствие Джуффина оказывало на него весьма благотворное воздействие. По крайней мере, сварливые интонации почти исчезли.

– Боюсь, вы все-таки погорячились, – вздохнул я. – Ну да, я неплохо управляюсь с транспортными средствами, это правда. У меня они начинают бегать с такой скоростью, что ваши знаменитые гонщики от зависти млеют. Но охранник из меня тот еще. Вы ведь сами знаете, я не очень опытный колдун.

– Ты совершенно неопытный и до безобразия молодой. К тому же ты еще не слишком-то освоился в нашем Мире, – равнодушно согласился Нуфлин. – Зато ты очень удачлив и, что особенно важно, хочешь, чтобы наше путешествие завершилось благополучно. А твои желания имеют куда большую власть над реальностью, чем иные заклинания. Полагаю, это мой единственный шанс добраться до Харумбы. Если бы я считал, что мне требуется профессиональный охранник, я бы, пожалуй, взял в спутники Сотофу, она очень умелая девочка. Или твоего начальника. Из бывших убийц получаются самые надежные защитники.

– Сэр Джуффин сказал, что вы ему не доверяете, – заметил я, чувствуя, что отчаянно краснею. – Ни ему, ни сэру Шурфу, вообще никому. Только мне. Потому, дескать, что у нас с вами нет никаких счетов. Мне это кажется немного странным. Вы же видите людей насквозь. И наверняка отлично понимаете, что Джуффин не стал бы делать вам гадостей напоследок, правда?

– Знаешь, мальчик, я действительно долгое время полагал, будто вижу людей насквозь. Мне очень нравилось думать, что так оно и есть. Старость – отвратительная штука, но одно несомненное преимущество у нее все-таки имеется. Она избавляет от иллюзий. От любых иллюзий, в том числе и насчет собственной исключительности. Не такой уж я мудрец, как принято полагать. Я действительно всегда был довольно прозорлив и весьма хитер, но это не значит, что я способен видеть людей насквозь. На это никто не способен. Можно прочитать чужие мысли – невелика наука. Можно с уверенностью предсказать действия любого живого человека; порой мне кажется, что нет ничего проще. Но узнать, кто на самом деле стоит перед тобой, – невозможно! Ты понимаешь, о чем я?

– Не знаю, – честно сказал я. – Скорее все-таки нет.

– Что ж, значит, у тебя есть шанс понять, – оптимистически заявил Нуфлин. – Видишь ли, мальчик, каждый из нас живет в окружении загадочных существ – других людей. Но когда ты пытливо вглядываешься в лицо очередного незнакомца, ты видишь всего лишь собственное отражение. Часто – искаженное до неузнаваемости, но все же… Положим, ты способен прочитать чужие мысли – и что с того? «Я ненавижу тебя!» – думает незнакомец, и ты решаешь, будто он – злейший враг, поскольку ты сам употребил бы слово «ненавижу», только размышляя о враге. А на самом деле никакой он не враг. Незнакомцу решительно наплевать на тебя, просто у него, предположим, болит голова, и в такие минуты он с ненавистью думает о любом живом существе, которое попадается на его пути. Теперь понимаешь?

– Вы хотите сказать, что мы примеряем на себя слова, мысли и поступки других людей, чтобы составить хоть какое-то представление о них? И оно обычно оказывается ошибочным, поскольку мы знаем, что говорит или делает другой человек, но не знаем, почему он так поступает? – нерешительно откликнулся я.

– Ловишь на лету, – одобрительно отозвался Нуфлин. – Так что когда Джуффин говорит тебе, будто я ему не доверяю, он невольно заблуждается. Он делает этот вывод, располагая полным набором моих слов, решений и поступков, даже воспоминаниями об интонации и выражении моего лица. Все это он примеряет на себя. Но для того чтобы понять, почему я отказался от помощи, ему потребовалось бы надолго залезть в мою шкуру – что, к слову сказать, вполне возможно, когда такой умелый колдун, как сэр Халли, имеет дело с другими людьми. Но я-то под свою шкуру никого не пускаю, уж на это у меня сил хватит до самого конца. То же самое происходит, когда я пытаюсь разобраться, что за тип этот Кеттариец, наемный убийца, которому я, чего скрывать, обязан относительно легкой победой в Войне за Кодекс; один из немногих знатоков почти недоступного мне искусства, каковое он сам с пафосом именует Истинной магией; идеальный начальник Тайного Сыска – можно подумать, что он родился специально для этой должности! – трогательно опекающий своих подчиненных. Я знаю о твоем опекуне очень много, куда больше, чем он сам предполагает. Но я по-прежнему не знаю, кто он. И уже вряд ли когда-нибудь узнаю. А что касается моего отказа от его услуг – разумеется, я не настолько глуп, чтобы предположить, будто Джуффин перережет мне глотку, как только летающий пузырь удалится от столицы. Просто меня посетило некое предчувствие, и теперь я знаю, что ты – единственный спутник, который мне требуется на этой самой последней дороге. Что там внизу, кстати?

– Темнота, – лаконично ответил я.

– И никаких огней, да? Что ж, значит, Ехо уже далеко позади, – вздохнул Нуфлин. – За нашей болтовней я так и не успел попрощаться с этим городом.

– Уехать – это и есть попрощаться, – возразил я. – Зачем еще какие-то дополнительные церемонии? Я раньше все время старался почувствовать что-то особенное, покидая то или иное место. Когда был совсем молодой и глупый, даже стихи всякий раз писал по такому поводу. А потом вдруг понял, что любой отъезд – поступок вполне самодостаточный.

Признаться, я несколько обалдел от собственной наглости. Если бы вчера кто-нибудь сказал мне, что я начну спорить с Великим Магистром Нуфлином Мони Махом, чуть ли не жизни его учить, я бы немедленно отвез этого пророка к ближайшему знахарю, от греха подальше.

Но старик совсем не рассердился. Посмотрел на меня со снисходительной улыбкой и, как мне показалось, с некоторым любопытством.

– А ты что, был поэтом, мальчик? Вот уж никогда бы не подумал. Ты не похож на поэта. Слишком практичный.

– Вы же сами сказали: невозможно разобраться, что представляет собой другой человек, – улыбнулся я. – Меня, кстати, многие считают практичным, не только вы. И, наверное, только я сам знаю, какой романтический идиот прячется в этом незамысловатом свертке, – я выразительно похлопал себя по животу.

– Странно, – пожал плечами Нуфлин. – Признаться, я думал, что знаю о тебе если не все, то очень многое. И вдруг выясняется, что сэр Макс поэт. Удивительно.

– Ничего удивительного, – смущенно откликнулся я. – Никакой я не поэт. Просто человек, который когда-то, очень давно, писал стихи. Это разные вещи. И разумеется, я никогда никому об этом не рассказывал… Впрочем, нет, проговорился однажды в присутствии сэра Лонли-Локли, но он – наилучшая гробница для чужих тайн.

– Полагаю, что так, – рассеянно согласился старик. И с любопытством спросил: – И какие же стихи ты писал? Ты помнишь хоть что-нибудь?

Мне сегодня то и дело приходилось краснеть от смущения, но сейчас мои уши, надо думать, начали светиться в темноте, как некие чудовищные сигнальные огни на борту летающего пузыря, сводя на нет нашу маскировку.

– Очевидно, помнишь, – усмехнулся Нуфлин. – Ну, прочитай что-нибудь.

Заплетающимся языком я начал бормотать, что, дескать, ничего не помню и вообще…

– Ничего, не смущайся, – подбодрил меня он. – Я отлично понимаю, что ты твердо решил не читать свои стихи – никому, никогда. То ли потому, что считаешь их скверными, то ли потому, что боишься, что они, как некое заклинание, вернут тебя в прошлое, к тому смешному беззащитному мальчику, который их написал. Но будь добр, сделай для меня исключение. Мне теперь все можно доверить.

Грешные Магистры, *как* он это сказал. В его тихом бесцветном голосе таилось устрашающее очарование самой смерти. Не мрачного чудовища, чья утроба набита разлагающимися остовами органической живности, а печального сказочника в темном плаще, того самого, о котором рассказывал свою последнюю историю Оле Лукойе. Безжалостного, но приветливого всадника, у которого всегда найдется прелестная и страшная сказка для каждого, чье время закончилось навсегда.

Так что я плюнул на все свои зароки и позволил полузабытым словам выползти из надежного тайника, спрятанного в самом дальнем углу моего сердца.

Кажется, в эту ночь я прочитал своему спутнику все, что успел написать за свою коротенькую жизнь. Даже рваные строчки, которые я легкомысленно записывал на бумажных салфетках за бесчисленными столиками маленьких дешевых кафе, а потом комкал и сжигал или топил в густом томатном соусе. А мне-то казалось, что я никогда их не вспомню.

Ответом было молчание, долгое, как остаток ночи. Особого успеха моя ритмизированная исповедь не снискала, но и критика на меня не обрушилась. Магистр Нуфлин умел слушать со спокойной, великодушной бесстрастностью, так что в какой-то момент я почти забыл о его присутствии. Мне начало казаться, что я остался совершенно один в корзине пузыря Буурахри и устроил себе такой своеобразный вечер воспоминаний, оглушил разум потоком зарифмованной ритмичной речи – просто чтобы не рехнуться, болтаясь между небом и землей в чреве сомнительного летательного аппарата.

Когда я наконец заткнулся, то внезапно, без малейшего намека на сомнение почувствовал, что старик мне благодарен. Не потому, разумеется, что мои юношеские стихи были такими уж великими шедеврами, просто я помог ему скоротать ночь. Одну из многих ночей, сквозь строй которых предстояло пройти его немощному телу на пути к вожделенному бессмертию.

– Постарайся остаться молодым, Макс, – тихо сказал Нуфлин, когда оранжевые сполохи замельтешили на границе видимой и невидимой области небес. – Если тебе не удастся перехитрить смерть, хотя бы не позволяй ей загнать тебя в ловушку обессилевшего стариковского тела. Оно того не стоит, мальчик. Старость действительно отвратительная штука. Тебе не понравится. Можешь не отвечать. Зачем болтать о вещах, которых не понимаешь? И моли судьбу о том, чтобы никогда не понять.

Я молча кивнул.

– А ты таки хитрец почище своего начальника, мальчик, – вдруг лукаво сказал Нуфлин. Сейчас его голос звучал вкрадчиво и обладал скрытой, но пугающей силой, как в прежние времена, когда Магистра Нуфлина Мони Маха можно было называть «великим и ужасным» почти без тени иронии.

Я вопросительно поднял брови.

– Теперь я тебе немножечко должен, – пояснил он. – Ты помог мне дожить до утра, в точности как говорится в одном из твоих коротеньких стихотворений[1]. А поскольку у меня осталось мало времени, придется вернуть долг незамедлительно.

Я уставился на своего спутника, силясь вообразить, что за сюрприз приготовила мне на сей раз судьба.

– Знаешь, почему я дожил до столь преклонных лет? – снисходительно спросил старик.

Вопрос, как мне показалось, был не риторический, на него полагалось дать членораздельный ответ.

Я пожал плечами.

– Думаю, потому, что вы были сильнее своих врагов. И осторожнее. И наверняка гораздо удачливее.

– Все это общие фразы, – отмахнулся Нуфлин. – Неужели ты думаешь, что умирающий старик нуждается в комплиментах глупого мальчика вроде тебя? Кстати, я никогда не был самым могущественным колдуном в Соединенном Королевстве. Возможно, самым умным и предусмотрительным, это да. Но что касается силы, мое имя никогда не значилось в списке первых. Зато в моем распоряжении с юных лет имелся один хитрый фокус, весьма полезный для того, кто хочет оставаться в живых как можно дольше.

– Именно то, что требуется, – уважительно кивнул я.

– У меня было много учеников, – продолжил Нуфлин. – Как Великий Магистр, я был обязан заниматься обучением каждого члена своего Ордена. Но знаешь, что я тебе скажу? У меня не было ни одного настоящего ученика. И не то чтобы мне совсем уж никто не нравился. Но и дурному было понятно, что избранного сочтут моим будущим преемником. А я не собирался обзаводиться преемником. Видишь ли, мальчик, я до последнего момента надеялся, что сумею перехитрить смерть. А если хочешь пожить подольше, надо вести себя так, словно считаешь себя бессмертным – так я думал. Выходит, что ошибался.

– Но ведь там, куда мы едем, вас ждет бессмертие? – осторожно спросил я.

– Говорят, так оно и есть, – буркнул Нуфлин. – А я, за неимением лучшего, стараюсь не сомневаться. Можешь мне поверить, я таки очень стараюсь. Но, знаешь, откровенно говоря, я и сам вполне мог бы открыть такой бизнес: брать деньги с умирающих дураков да и зака-

[1] Я домой не вернусь – решено. Это небо дрожит, как вода.Сколько тысяч шагов от болотных низин до холодной, как руки, луны?Гнутся голые ветви под тяжестью птиц.Разум птицей кричит – не беда.Пусть кричит. У меня есть в запасе последний глоток тишины.Я домой не вернусь никогда, но зато доживу до утра.Темный ветер и вечер холодный, луны поворот на ущерб – ничего!Знаешь, птица, во мне не осталось ни капли раба, и ни капли добра,И ни капли любви, и ни капли меня самого.

пывать их поглубже. Все шито-крыто, проверить невозможно: живых в Харумбу не пускают, бессмертных не выпускают, Безмолвная речь не работает. А уж написать письмо родственникам, подделав почерк, любой студент способен. Нет уж! Если эти сбрендившие кейифайи из Харумбы докажут мне на деле, что я – старый дурак, а они – чудотворцы, овладевшие секретом бессмертия, может быть, тогда я и начну верить людям. Но не раньше… С другой стороны, и кому от этого хорошо? Уж точно не мне.

Старик отвернулся и некоторое время тихо бранился себе под нос. Портовым нищим, на мой взгляд, не помешало бы взять у него пару уроков ораторского мастерства. По сравнению с Великим Магистром Ордена Семилистника эти бродяги сюсюкают, как юные девицы из зажиточных семей.

Наконец Нуфлин умолк, перевел дух и, как ни в чем не бывало, продолжил:

– Ладно, давай-ка поговорим о деле. Я собираюсь научить тебя своему коронному фокусу. Думаю, кому-кому, а уж тебе он пригодится. И не раз. Да и мне будет приятно знать, что мое искусство не умрет навсегда после того, как за мной закроются врата Харумбы.

Я растерянно молчал, не зная, что тут можно ответить. Благодарить? Но мяукнуть пару раз «спасибо» – слишком ничтожная плата за чудо. По мне, лучше уж молчать в тряпочку и глядеть на своего благодетеля восхищенными глазами преданного ученика.

– Тебе потребуется время, чтобы как следует освоить мою науку, – строго сказал Нуфлин. – Что ж, время у тебя, надеюсь, есть. Задача такая – соорудить вокруг себя стену из белого кирпича.

Он снисходительно оглядел мою рожу, которая не выражала никаких чувств, кроме абсолютного непонимания, укоризненно покачал головой и объяснил:

– Разумеется, речь не идет о настоящих строительных работах. Эту стену ты должен воздвигнуть в своем воображении. Впрочем, обычные фантазии тут не помогут. Стена из белого кирпича должна быть воздвигнута не наяву, но и не во сне, а на границе между тем и другим.

– В темноте под закрытыми веками?

Кажется, я начал понимать. В свое время мне уже доводилось действовать подобным образом, только никаких защитных стен я тогда не возводил. Писал письмо своему таинственному защитнику, мечу Короля Мёнина, и, что самое удивительное, меч получил мое послание.

– Можно сказать и так, – согласился Нуфлин. – И запомни: небрежность тут неуместна. Такую стену можно построить только из очень хороших кирпичей. Ни один из них не может занять свое место в кладке, пока ты не убедишься, что его формы безупречны, а ладонь должна ощутить тяжесть, почти как наяву. Разумеется, у тебя уйдет много времени на то, чтобы представить себе первый кирпич. Наверняка будет очень трудно сложить первый ряд…

– Могу себе представить! – растерянно сказал я. – Одной ночи тут не хватит. Если уж на то пошло, мне придется брать очень длинный отпуск. И надолго отказаться от сна.

– Не обязательно, – покачал головой Нуфлин. – Эту стену ты можешь строить постепенно, день за днем, используя всякую свободную минуту. Фокус состоит в том, что, закрыв глаза на следующий день после первой попытки, ты должен увидеть не пустоту, а результат своей вчерашней работы. С этим у тебя, возможно, тоже будут трудности – в первое время. Или не будет. Джуффин говорил, ты способный. Главное, не пугайся большого объема работы, дело того стоит.

– Думаю, что да, – неуверенно согласился я.

– Он, видите ли, думает! – с неподражаемыми интонациями старого скандалиста, обладающего богатым опытом дискуссий на коммунальной кухне, возмутился Нуфлин. – Да ты пока понятия не имеешь, о чем говоришь! – Он немного успокоился и продолжил: – Эта стена должна окружить тебя, как круглая ограда. Чем выше она будет, тем лучше. Впрочем, ты сам поймешь, когда можно будет остановиться. И не думай, будто тебе придется воздвигать ее всякий раз, когда возникнет опасность. Достаточно один раз построить стену. Если ты выпол-

нишь работу безупречно, она будет защищать тебя всегда, даже в тех случаях, когда ты о ней не вспомнишь.

И он умолк.

– Это все? – нерешительно спросил я.

– Ну да. А чего ты еще хотел?

– И эта стена защитит меня… – я немного помедлил, глупо ухмыльнулся и недоверчиво закончил: – От всего на свете?

– Не от всего на свете, а только от внешних врагов, – строго сказал Нуфлин. – От старости и смерти она не спасает, как видишь. И от разнообразных хворей, по-моему, тоже. Своим здоровьем я обязан скорее природе, чем чудесам.

– Ясно, – вздохнул я и тоже замолчал.

Если честно, я здорово сомневался, что когда-нибудь займусь строительством этой таинственной стены из белого кирпича. Заманчиво, но чертовски хлопотно. Я заранее предвидел, что у меня попросту не будет времени возводить эту стену в темноте под закрытыми веками – на службе спать не очень-то получается, а дома… Да у меня на личную жизнь времени не хватает, какая уж там стена! К тому же до сих пор мне вполне хватало защиты, которой окружил меня невидимый меч Короля Мёнина, с некоторых пор прочно засевший в моей груди.

Разумеется, я не стал говорить все это Магистру Нуфлину. Я постарался даже не думать об этом, поскольку был совершенно уверен, что чтение моих мыслей для него – самая простая вещь на свете.

Но через несколько минут мне стало стыдно. «Умирающий старик, самый могущественный человек в Соединенном Королевстве, вдруг решил передать тебе свое сокровенное знание, а ты… – укоризненно сказал я себе. – Ты мне глубоко противен, сэр Макс! Лентяй, разгильдяй, легкомысленный болван. Нет уж, ты разучишь его фокус и доведешь исполнение до совершенства. И не потому, что твоей драгоценной заднице не помешает лишний щит, а просто из уважения к этому человеку. А потом, когда сам соберешься на покой, научишь еще кого-нибудь – чтобы его таинственное искусство не пропало навсегда», – вот приблизительное содержание строгого выговора, который я себе влепил.

Внушение подействовало. По крайней мере, я решил начать немедленно и тренироваться всю дорогу. В принципе, я действительно очень быстро всему учусь, так что у меня имелся шанс управиться с этой грешной стеной до возвращения домой.

Магистр Нуфлин удовлетворенно кивнул. Он явно был в курсе моего внутреннего монолога. Мне стало неловко. Одно дело уживаться с тем фактом, что мои мысли читает сэр Джуффин Халли, который и без того знает меня как облупленного и заранее готов принять меня таким, каков я есть. И совсем другое – понимать, что свидетелем твоей немудреной склоки с самим собой стал совершенно посторонний человек. Но мне поневоле пришлось смириться с проницательностью своего спутника – а что еще я мог сделать?

– Судя по огням внизу, мы уже пролетаем над заливом Гокки, – меланхолично отметил Нуфлин. – Знаешь, что я тебе скажу, мальчик? Ложился бы ты спать. Как я понимаю, это странное сооружение все равно будет лететь к месту назначения, верно?

Под словом «спать» подразумевалась первая тренировка по возведению невидимой стены, это было ясно и ежу.

– Лететь-то оно будет, – согласился я. – И все же не дело это – оставлять пузырь Буурахри без управления.

– Почему? – холодно осведомился старик. – Тебе надо каким-то образом контролировать процесс? Но с тех пор, как мы поднялись в воздух, я что-то не заметил, чтобы ты возился с управлением. Только поначалу, когда мы набирали высоту.

– Это правда, – признал я. – Пузырь Буурахри уже знает направление, этого вполне достаточно.

– Ну вот, – пожал плечами Нуфлин. – Так зачем же тебе бодрствовать?

– На всякий случай. Мало ли что может случиться.

– Можешь мне поверить, я разбужу тебя примерно за полчаса до того, как оно начнет «случаться», – пообещал Нуфлин. – Что я действительно умею, так это предвидеть неприятности.

– Верю, – неохотно согласился я.

– А мне спать нельзя в любом случае. Так что отдыхай, пока есть возможность, – заключил он и так лукаво посмотрел на меня, что я больше не сомневался: о том, чтобы просто завалиться спать, и речи быть не могло.

Настойчивость Нуфлина меня здорово раздражала – именно потому, что в глубине души я прекрасно понимал: старик совершенно прав. *«Завтра, завтра, не сегодня – так лентяи говорят»* – боюсь, этот стишок из учебника немецкого языка будет преследовать меня всю жизнь. Как ни крути, а без труда…

Короче говоря, я принялся «вытаскивать из пруда» очередную «рыбку». Кое-как устроился на дне корзины. Единственное одеяло, которое я в последний момент запихнул в сумку, оказалось слишком тонким, а запасных, как выяснилось, никто сюда не положил. А лезть в Щель между Мирами в поисках пледа мне было не с руки. Тут с одним чудом справиться бы.

Я закрыл глаза, сосредоточился и вообразил первый белоснежный кирпичик. К моему несказанному удивлению, все получилось не просто быстро, а, можно сказать, мгновенно. Ясразу же ощутил на ладони холодную тяжесть и представил себе, как осторожно кладу его на землю в нескольких сантиметрах от круглых носков дорожной обуви.

Дело пошло как по маслу. Перед тем как окончательно уснуть, я уже был окружен низенькой круговой оградой из одинаковых белых кирпичей. Сие призрачное сооружение достигало середины щиколотки, и это было гораздо лучше, чем просто хорошо. «Если буду продолжать в таком темпе, маета закончится через полдюжины дней, а то и раньше», – удовлетворенно подумал я. И с чувством выполненного и даже перевыполненного долга нырнул в разноцветный омут беззаботных сновидений.

…Когда я проснулся, все было в полном порядке. Наш летающий пузырь парил над бескрайними водами, а мой подопечный был живехонек. Сидел в своем кресле и, кажется, дремал. Нападать на нас никто не собирался – по крайней мере пока.

Я послал зов Джуффину, сообщил ему, что у нас, дескать, все хорошо. «Поплюй, чтобы не сглазить», – без тени иронии посоветовал шеф.

Некоторое время я удивленно размышлял, каким образом сэр Джуффин мог подцепить одно из самых распространенных суеверий моей далекой родины? Наконец заключил, что сие тайна великая есть, и приступил к следующей беседе. При всей нелюбви к Безмолвной речи я не мог отказать себе в удовольствии перекинуться парой-тройкой сотен словечек со всеми, кто остался дома.

После полудня Магистр Нуфлин изволил открыть глаза. От еды решительно отказался, заявил, что теперь это для него непозволительная роскошь. И настойчиво потребовал, чтобы я продолжил строительство стены – пока есть время.

Как ни крути, он был совершенно прав. Нам предстояло еще полдюжины дней пути и, возможно, куча неприятных неожиданностей. Я рассудил, что было бы неплохо закончить строительство защитной стены прежде, чем на горизонте объявится первый из грозных любителей мщения, задушевное общение с которыми было мне обещано в качестве своеобразного средства от дорожной скуки.

Так что большую часть дня я провел с закрытыми глазами. В конце концов, это странное колдовство захватило меня полностью. Я бы даже не вспомнил об ужине, если бы спутник не прочел мне своевременную лекцию о необходимости подкреплять силы.

На исходе третьих суток полета я с изумлением понял, что работа подходит к концу. Ничего такого, что можно было бы назвать событиями, за это время не произошло. Состояние здоровья моего подопечного не ухудшилось, никто не пытался на нас напасть, даже погода не менялась. Можно сказать, что никакой погоды вовсе не было: равномерно пасмурное небо не выказывало намерения разразиться дождем или ослепить нас яркими солнечными лучами, ветром и не пахло, а температура воздуха идеально соответствовала представлениям человеческого тела о том, что такое «ни холодно ни жарко», и не привлекала к себе внимания.

«Смотри-ка, я сделал это!» – с равнодушным удивлением отметил я, обнаружив, что высокая иллюзорная стена из белого кирпича окружает меня плотным кольцом. В ней не обнаруживалось ни единого изъяна, а реальность этого сооружения в тот момент не вызывала у меня никаких сомнений. Когда я поднялся на ноги, чтобы выглянуть наружу, туда, где среди прозрачных серых облаков пылала тускло-оранжевая полоса заката, мне показалось, что стена каким-то невообразимым образом движется вместе со мной. Впору было удивляться – и как я до сих пор обходился без этой защитной стены, которая теперь казалась мне чуть ли не наиважнейшей частью тела?

– А ты таки да, очень быстро всему учишься, мальчик. Даже слишком быстро, – не размыкая глаз, заметил Магистр Нуфлин, чье присутствие в последнее время казалось мне столь необременительным и ненавязчивым, что я – поверить невозможно! – почти забыл о его существовании.

– Теперь тебе надо как следует отдохнуть, – авторитетно добавил старик.

– Будете смеяться, но я совершенно не устал. Скорее даже наоборот. Такая приятная бодрость.

– Знаю я эту бодрость, – насмешливо кивнул он. – Все идет просто великолепно, а наутро очередной глупый мальчик, растерявший жалкие остатки своих силенок, падает в самый что ни на есть дурацкий, никому не нужный обморок.

– Все так страшно? – изумился я.

– Хочешь проверить – проверяй, – пожал плечами Нуфлин. – Но имей в виду, даже если я очень сильно захочу тебе помочь, у меня вряд ли что-то получится. Так что попробуй поспать. Или хотя бы просто полежи с закрытыми глазами, благо есть возможность.

– Да, хвала Магистрам, все эти мрачные пророчества касательно ваших мстительных приятелей, похоже, оказались липой, – оптимистически согласился я.

Удивительное дело, мне не пришлось долго ворочаться под тонким одеялом. Сон сморил меня почти сразу. Я засыпал с безмятежной улыбкой ребенка, который уверен, что живет в добром сказочном мире, где с ним не может случиться решительно ничего плохого.

Господи, каким же я был болваном.

Я спал, и мне снилось… Надо быть полным кретином, чтобы полагать, будто все случившееся со мной в ту ночь действительно было обыкновенным сном, но я по-прежнему отчаянно хватаюсь за эту – если не спасительную, то, по крайней мере, успокоительную – формулировку: «Я спал, и мне снилось».

Итак, *я спал, и мне снилось*, что я – глубокий старик, все еще живой лишь потому, что у него не осталось сил даже на то, чтобы немедленно умереть.

Нет, я не увидел свое отражение в зеркале. В этом сне не было никаких зеркал, так что мне не пришлось содрогаться, разглядывая собственную физиономию, изборожденную глубокими морщинами, или седые пряди редких истончившихся волос, выбивающиеся из-под традиционного угуландского тюрбана. Впрочем, я долго, почти зачарованно изучал тыльную сторону своих рук: сухая, как пергамент, сморщенная, будто измятая, кожа; толстые желтые ногти, больше похожие на потрескавшиеся обломки морских раковин; узловатые суставы, безжалостно искореженные не то временем, не то ревматизмом; причудливое переплетение лило-

вых вен – как пьяный кошмар скульптора-модерниста. Вполне достаточно, чтобы испытать панический животный ужас пополам с отвращением к собственной плоти.

Но есть вещи похуже, чем созерцание своего внезапно состарившегося тела. Бесконечная немощь и вялое, апатичное равнодушие казались сейчас моими врожденными, а не приобретенными свойствами. О, если бы в моем распоряжении осталось хотя бы одно живое, трепетное, достоверное свидетельство, что прежде все было иначе! Но тошнотворная слабость ощущалась нормой, естественным, привычным состоянием. Память о том, что когда-то давно каждая клеточка моего тела восторженно пела, захлебываясь свежестью ночного ветра, а дух был исполнен – если не сокрушительной силы, то, по крайней мере, веселого любопытства, – являлась всего лишь теоретическим, умственным знанием, а не болезненным уколом, сулящим надежду на выздоровление.

Дряхлая оболочка оказалась самой надежной темницей для духа. У меня не осталось сил даже на то, чтобы по-настоящему страдать от свершившихся необратимых перемен. О том, чтобы сопротивляться сковавшей меня слабости или хотя бы как следует разозлиться и разнести в клочья поработившую меня реальность, и речи не шло. Я мог только неподвижно сидеть в неуютном полумраке, который царил в этом странном сновидении, и рассеянно перебирать драгоценности своих воспоминаний – все еще привлекательные, но совершенно бесполезные игрушки. Они не были волшебными талисманами, способными принести божественную прохладу перемен, а годились лишь на то, чтобы орошать их скупыми стариковскими слезами.

Впрочем, даже слез у меня не нашлось. Наверное, я уже был недостаточно живым для того, чтобы плакать. Я принял свою судьбу – потому что так было проще. Мое внезапное смирение проистекало не из мудрости, его причиной была все та же телесная слабость. Помнится, мне вдруг захотелось съесть что-нибудь вкусное – кажется, я просто осознал, что это единственный доступный мне способ испытать жалкое подобие физического удовольствия; все остальные разновидности наслаждений уже давно остались по ту сторону возможного.

Я не знаю, как долго тянулся этот кошмар. Разум утверждает, что совсем чуть-чуть, секунд десять. В крайнем случае он готов согласиться на пару дюжин этих самых секунд – никак не больше. Но какая-то часть меня не в силах принять эту утешительную версию. Маленький мудрец, снимающий флигель на заднем дворе моего сознания, знает, что дремотное умирание одинокого старика продолжалось невообразимо долго. Возможно, его следует измерять годами. Но я до сих пор упорно затыкаю уши, когда он пытается заговорить на эту тему.

Все закончилось совершенно неожиданно: я услышал дикий, душераздирающий крик и проснулся.

Первое мгновение после пробуждения было воистину ужасно. Я увидел орущего человека, скорчившегося на полу корзины, и с содроганием узнал в нем себя.

Сам я наблюдал это малопривлекательное зрелище как бы со стороны. Прежде чем все встало на свои места, я успел осознать, что сижу в кресле Магистра Нуфлина и мои руки, такие же сухие и сморщенные, как в давешнем ужасном сне, бессильно покоятся на укрытых теплым пледом коленях.

А потом меня с головой накрыла знакомая волна жгучей боли, которая сопровождает всякое пробуждение моего могущественного защитника. Меч Короля Мёнина уже в который раз стал зримым и осязаемым, его рукоятка торчала из моей груди, а клинок безжалостно терзал плоть. Столь сильной боль не была даже в ту ночь, когда сероглазая Тень Мёнина пронзила меня этим волшебным оружием – не потому, что собиралась убить, а для того, чтобы уберечь.

И ведь уберегла.

Я захлебнулся ароматным ночным воздухом, понял, что ору с отчаянием новорожденного младенца, и мой крик вдруг превратился в восхищенный смех – радость бытия оказалась

гораздо сильнее боли. Впрочем, теперь боль понемногу уходила прочь, а рукоятка меча постепенно таяла, превращалась в причудливый клубок белесого тумана, который тоже понемногу рассеивался.

Через несколько минут я окончательно пришел в себя, успокоился и даже поспешил сделать скоропалительный вывод: ничего страшного не случилось, мне приснился кошмарный сон, но я уже проснулся, так что все позади.

Не могу описать, с каким наслаждением я ощупывал свое тело, разглядывал руки – теперь они были в полном порядке: мои, родные! – просто дышал, поражаясь, сколь восхитительным, оказывается, может оказаться это будничное занятие. Я дотянулся до кувшина с водой и выпил чуть не все его содержимое. Каждый глоток заново убеждал меня: реальность – это то, что происходит сейчас, а не кошмарная тягомотина давешнего сновидения.

Вдоволь напившись, я наконец вспомнил о своем спутнике. И чуть не умер со стыда. Представил себе, какое впечатление должны были произвести на него мои вопли, и в отчаянии схватился за голову: нет мне прощения! Да уж, сэр Макс – лучшая в мире сиделка для умирающих стариков. Сократит жизнь, доведет до инфаркта быстро, качественно, недорого.

Кошмар.

Но к моему величайшему удивлению, Магистр Нуфлин по-прежнему то ли дремал, то ли просто безучастно сидел в своем кресле. А ведь мои вопли вполне могли бы разбудить даже матросов парусника, бороздившего море где-то далеко внизу, в ультрамариновой темноте безлунной ночи.

Я хотел извиниться за свое экстравагантное поведение, объяснить, что порой мои ночные кошмары выходят за рамки обычных остросюжетных страшных снов. Пообещать, что впредь постараюсь быть сдержанным – ну и что там еще обещают в таких случаях.

Открыл было пасть и тут же снова ее захлопнул: до меня наконец начало доходить.

Я обессилено прислонился к стенке корзины, чувствуя, как струйка холодного пота медленно ползет по спине. Вот теперь мне стало по-настоящему страшно.

Меч Короля Мёнина никогда прежде не вмешивался в мои кошмары. И, собственно говоря, правильно делал: какая бы дрянь мне ни снилась в его присутствии, до сих пор она не была по-настоящему опасна для жизни. Скорее уж мои страшные сны можно было считать неоценимым опытом – не слишком приятным, но в высшей степени полезным. И если уж меч возник из небытия, чтобы разбудить меня, значит, опасность была такой настоящей, что хоть в обморок хлопайся.

И тут – очень неохотно, потому что некоторые вещи лучше не осознавать, если хочешь сохранить рассудок (а я собирался сделать это любой ценой), – я понял еще кое-что. Старческое тело, в темнице которого мне довелось побывать, не было моим. Я не зря так долго разглядывал свои руки в этом кошмарном сне. Да, беспощадное время могло искорежить их в соответствии со своим извращенным вкусом, оно имело полное право превратить мои руки в худые пожелтевшие слепки причудливых птичьих лап, но куда, скажите на милость, подевался маленький, но глубокий шрам от ожога на тыльной стороне правой кисти? И еще пальцы. Старость вполне могла искривить фаланги, изуродовать суставы, но сделать их чуть ли не в два раза короче – невозможно! Это были не мои руки, вот в чем дело.

И, кажется, я прекрасно знал, кому они принадлежали. В конце концов, я отлично помнил, что пробуждение застигло меня в кресле Магистра Нуфлина Мони Маха, в нескольких шагах от собственного, хорошо знакомого тела, которое – я хотел бы усомниться, но не мог сделать себе такой роскошный подарок – в тот момент было занято другим жильцом. Совсем как уютный заячий домик, где по праву силы и согласно сказочному сюжету поселилась разбойница лиса. Ясно теперь, почему я так ненавидел эту сказку в детстве, ненавидел с непримиримой страстью, на которую способны только очень маленькие дети и великие безумцы. Ненавидел, несмотря на счастливый финал, где появлялся бесстрашный петух и изгонял захватчицу

своим жизнерадостным криком. Наверное, предчувствовал, что рано или поздно мне доведется побывать в шкуре бедолаги зайца, который не способен отвоевать свое жилище без помощи великодушного защитника.

– О господи, дырку в небе над твоим домом! – тихо сказал я вслух, невольно смешав в одной фразе разговорную лексику разных Миров.

Я не стал задавать своему спутнику драматические вопросы из серии: «Что это было?» и «Зачем вы это сделали?» Какого черта спрашивать, и так все ясно. Не потому, что я такой уж мудрый и проницательный, просто мне довелось побывать в его шкуре, и теперь я действительно знал о нем все. Оставалось только позволить этому смутному знанию оформиться в более-менее осмысленную словесную конструкцию.

У этого знания была оборотная сторона. Я отлично понимал, почему Нуфлин затеял эту подлую, паскудную игру. Более того, я чувствовал себя не столько жертвой, сколько соучастником его мерзкой интриги, а это, пожалуй, было совсем уж глупо.

Я закрыл лицо руками, чтоб не видеть неподвижный темный силуэт могущественного старика, который чуть было не… Ох, я по-прежнему боялся четко сформулировать, что именно он чуть было не сделал.

Я не узнавал себя. Мне бы следовало послать зов Джуффину, обрушить на него поток жалоб и просьб о помощи или хотя бы о практическом совете. Но я этого не сделал. Собственно, я и так знал, что именно посоветует мне шеф. На его месте я бы тоже сказал любому из своих друзей: «Убей его и немедленно возвращайся». И еще я знал, что не воспользуюсь подобным советом, потому что связан по рукам и ногам сопереживанием. А это чувство куда более могущественное, чем обычная жалость, которая вечно сует свой нос в человеческие дела и обрекает нас на бесконечное повторение бессмысленных ошибок.

Впрочем, Джуффин сам прислал мне зов. «У тебя все в порядке?» – осведомился он.

«Почти», – лаконично ответил я.

Мне показалось, что шеф не слишком мне верит. Безмолвная речь не больно-то приспособлена для передачи эмоций собеседника, но я хребтом чувствовал его настороженность. Джуффин всегда был рядом со мной – в каком-то смысле – и, несомненно, почуял грозившую мне опасность.

«Со мной действительно все в порядке, просто дурные сны замордовали, – добавил я. – Вы же знаете, я боюсь высоты, так что все время буду на взводе, пока мои ноги не ступят на твердую землю. Ну или пока я не привыкну. Это было бы наилучшим выходом, правда?»

«Да уж», – снисходительно проворчал Джуффин. Мне показалось, что он успокоился. В конце концов, я был жив, да и говорил ему сущую правду. Ну, почти.

Попрощавшись с шефом, я снова умолк. Что-что, а проводить с Магистром Нуфлином «разбор полетов» мне уж точно не хотелось. Я был готов заплатить почти любую цену за возможность провести остаток пути в полном молчании. Но такое счастье мне не светило, конечно.

Нуфлин заговорил первым, и его голос звучал столь невозмутимо, что недавние события снова показались мне бредом больного воображения, заслуживающим немедленного забвения.

– Передай мне кувшин с водой, будь столь любезен, – вежливо попросил он. Немного помолчал и с неподражаемой царственной снисходительностью добавил: – Если уж ты все никак не можешь решиться меня убить, потрудись сделать доброе дело.

Я передал ему кувшин, старательно избегая прикосновений. Нуфлин заметил проснувшуюся во мне почти суеверную брезгливость и ответил на нее взглядом, исполненным снисходительного любопытства.

– Напрасный труд, мальчик. Старость, знаешь ли, не заразна, – заметил он, когда я снова забился в свой угол.

Грешные Магистры, *как* он это сказал! Наверняка хотел, чтобы его голос прозвучал насмешливо и язвительно, чтобы каждое слово превращалось в презрительную ледяную градину и больно щелкало по моей макушке, но в последнее мгновение старик дрогнул и обрушил на меня столько боли – половины ее хватило бы, чтобы отравить воды Великого Средиземного Моря, над которым мы как раз пролетали.

Сначала мне показалось, что пошел мелкий дождь, и только потом я понял, что плачу. Вдруг вспомнил, что однажды в раннем детстве очень хотел зареветь, когда – подробности жирным нефтяным пятном вдруг всплыли на поверхность моей памяти – выяснил, что все люди непременно стареют и умирают.

Но тогда я не смог заплакать – впервые в жизни. До этого момента громкий требовательный рев исторгался из груди по любому поводу и быстро приносил облегчение. Я понял, что все эти годы носил в своем сердце маленький горький комок отчаяния. Старался запрятать его как можно дальше, то и дело переупаковывал в очередную спасительную философскую систему, сулившую смутную надежду на бессмертие, – а что еще делать, если избавиться от источника неизбывной тоски было не в моих силах?

И вот теперь наконец пришло время по-детски выплакать эту боль и принять свою судьбу, которая, вопреки моей тайной уверенности в собственной исключительности, была почти точной копией всякой человеческой участи.

– Старость заразна, и смерть заразна. Судьба заразна, – пробормотал я сквозь слезы, а потом внезапно успокоился и добавил, смутно удивляясь твердости собственного голоса: – Но в одном вы правы, прикосновения тут ни при чем. Все мы больны старостью и смертью – с рождения, тут уже ничего не попишешь. С чего вы решили, будто я стану вас убивать? Я не могу держать на вас зла – просто потому, что знаю, от какого ужаса вы пытались избавиться. На вашем месте я бы и сам ухватился за любой шанс. И знаете что? Я восхищаюсь вами, потому что побывал в вашей шкуре. И теперь не могу понять, как вам удалось заставить себя бороться за возможность вернуться к жизни? Откуда вы черпали силу? Я не нашел ее источника в своем сердце, когда…

Я осекся, потому что окончание фразы – «когда я был вами» – показалось мне до безобразия нелепым. К тому же оно было не совсем точным. Я вдруг понял, что не просто побывал в шкуре Магистра Нуфлина. Случилось нечто большее, на мгновение я каким-то образом стал всеми умирающими стариками всех миров, всеми смертниками, доживающими последние дни перед исполнением приговора в жалкой, обветшавшей темнице.

Теперь я знал, что порой покой и смирение могут быть страшнее самого черного отчаяния. Поэтому злодейская выходка моего спутника не попала в мой личный архив под грифом «Подлое предательство». Тот, кому довелось хоть на мгновение оказаться в чужой шкуре, поостережется употреблять слова, чье звучание сходно с презрительными плевками. Пресловутое предательство Нуфлина сейчас казалось мне настоящим сокровищем, черной жемчужиной, зловещей, но драгоценной. Оно было порождением величайшего мужества, которое, оказывается, может остаться в распоряжении человека, когда не только дряхлое тело, но и усталый дух его сдался на милость победительницы смерти.

Мое внезапное, иррациональное милосердие не было предназначено Великому Магистру Нуфлину Мони Маху лично. Черт с ним, с праведным мщением, но вряд ли я смог бы так легко пренебречь собственной безопасностью, если бы речь шла только об этом человеке, с которым я не был связан ни узами дружбы, ни оковами тайных клятв. Только служебным долгом, который, что греха таить, никогда не являлся для меня основным смыслом бытия.

Но Нуфлин – нечаянно, конечно, – позволил мне прикоснуться к восхитительной тайне. Теперь я знал, что иногда человек бывает способен бороться не просто до конца, а немного дольше – и еще как бороться! Отрубленная голова действительно может впиться зубами в горло палача. Слабое утешение для приговоренного, но другого нет и быть не может.

Это было чрезвычайно полезное открытие, если принять во внимание, что мне тоже предстояло когда-нибудь стать умирающим стариком. Конечно, в Ехо, где среднестатистический гражданин редко отправляется на кладбище прежде, чем отпразднует свой трехсотлетний юбилей, а могущественные колдуны порой растягивают свою жизнь на долгие тысячелетия, я мог надеяться, что дряхлым стариком я стану не слишком скоро. Но в тот момент, когда старость валит тебя на землю, связывает по рукам и ногам и принимается звать на помощь свою подельщицу смерть, тот факт, что позади осталось не семьдесят, а тысяча семьсот лет, не имеет никакого значения.

– Я не мог не попытаться, – просто сказал Нуфлин. – И я удивлен, что ты это понимаешь. Жаль, что ты оказался достойным противником. Но я вынужден признать, ты заслуживаешь лучшей участи, чем скоропостижная смерть от старости в этом немощном теле.

– Вы тоже, – сухо сказал я. – И не только вы. Все заслуживают лучшей участи, вот в чем ужас, – мой голос предательски дрогнул, а потом я неуверенно добавил: – Но возможно, это Царство Мертвых, Харумба, действительно сулит нечто лучшее, чем…

– Возможно, – старик пожал плечами. – Теперь мне придется на это надеяться, поскольку ничего иного не остается. Но одно я, увы, знаю наверняка: ничто не может сравниться с настоящей жизнью. А если и может… Я, видишь ли, не отличаюсь богатым воображением и не берусь представить себе, как будет выглядеть альтернатива.

– Вы выбрали меня потому, что я показался вам самым слабым противником? – спросил я, когда вновь воцарившееся тягостное молчание начало казаться мне невыносимым.

– Ну, скажем так, самым неопытным, наивным и доверчивым, – равнодушно ответил Нуфлин. – И в то же время твое могущество очень велико, что тоже было немаловажно для благополучного осуществления моего плана. Видишь ли, сила действительно оставила меня, так что оставался один выход – заставить жертву своими руками построить ловушку. Ну кто еще, кроме тебя, так легко и охотно поверил бы моим словам о какой-то нелепой охранной стене? Все более-менее опытные маги отлично знают, что невидимым защитником может стать нарисованный в воображении белый сверкающий плащ. А еще лучше, если удастся усилием воли превратить его в некое подобие шалаша. Да и тот действует не слишком долго и помогает лишь в тех случаях, когда имеешь дело со слабым противником. Незаменимая штука на войне или во время большой смуты, когда поневоле приходится сновать среди стрел и смертоносных снарядов бабума, но при встрече с могущественным колдуном – совершенно бесполезная! А ты юн и несведущ, поэтому принял мои россказни на веру. Впрочем, это не принесло мне пользы, как видишь. Жаль, что я ничего не знал про этот чудесный меч, который почему-то считает своим долгом оберегать тебя. Я бы просто выбрал кого-нибудь другого.

Я внутренне содрогнулся, когда представил себе, что на моем месте мог бы оказаться сэр Мелифаро. Он у нас тоже весьма могущественный парень. И почти такой же неопытный болван, как я сам. К тому же ему на роду написано то и дело влипать в разнообразные неприятности. Пожалуй, у него не было бы никаких шансов выкрутиться. А потом в Ехо вернулся бы наш Мелифаро, и мы получили бы отличную возможность как следует посмеяться по поводу некоторых забавных перемен в его характере, только и всего. Ужас!

– Закроем эту тему, ладно? – предложил я. – Будем считать, что ничего не случилось.

– Очень великодушное предложение, мальчик, – невесело усмехнулся Нуфлин.

– Ответьте мне взаимностью и больше не пытайтесь повторить этот ваш фокус, – устало сказал я. – Меч все равно меня защитит, а паскудные ощущения достанутся нам обоим. Я-то переживу, пожалуй, а вот вам такие потрясения ни к чему. Мне поручили доставить вас в Харумбу живым, и мне не хочется…

– Можешь меня не уговаривать, я себе не враг, – кивнул он.

Я добыл из Щели между Мирами чашку крепчайшего эспрессо, несколько крошечных галет, вроде тех, что подают в некоторых забегаловках в качестве бонуса, и сигарету. Но через несколько минут мне пришлось брезгливо испепелить остатки этого скромного завтрака: я не чувствовал ни вкуса, ни аромата, только легкую тошноту, похожую на первый приступ морской болезни.

Чтобы немного прийти в себя, я поднялся на ноги, выглянул в одно из маленьких смотровых окошек и невольно заулыбался: далеко внизу переливалась в сумрачном свете пасмурного дня жемчужная пыль фонтанов.

«Неужели киты?» – изумился я и почти незаметным волевым усилием заставил летающий пузырь опуститься пониже. Моему взору открылось восхитительное зрелище: среди невысоких волн вальяжно резвилась четверка морских гигантов, поразительно похожих на китов моей родины. Только золотисто-рыжий цвет их блестящей кожи напоминал о том, что дело происходит в другом Мире. С размерами определиться было трудно. Сначала мне показалось, что они даже больше, чем киты моего Мира, потом я сделал скидку на расстояние и тот прискорбный факт, что до сих пор я не видел вблизи ни одного кита, и понял: объективных данных моя голова все равно не выдаст.

– Сэр Макс, неужели ты решил, что теперь нам обоим самое время утопиться? – с неподражаемой иронией осведомился мой спутник. – Ой, если бы ты спросил старого Нуфлина, как он хочет умереть, знаешь, что бы я тебе на это сказал? Только не в холодной воде! У меня от нее кости ломит.

– Нет, топиться мы не будем. Там киты, – объяснил я, не отрываясь от окошка. – Я их еще никогда не видел, разве только на картинке в Энциклопедии Манги Мелифаро.

– Киты? Да что ты говоришь?!

К моему изумлению, Магистр Нуфлин разволновался не на шутку. А я-то думал, что я тут один такой «юный натуралист», способный забыть обо всем на свете, разглядывая изумительные туши этих грациозных громадин.

– Рыженькие, – нежно мурлыкнул я, чувствуя, как по моей физиономии, все еще перекошенной после давешних неприятностей, расползается идиотская блаженная улыбка.

– А не мог бы ты помочь мне подняться? – вдруг спросил Нуфлин. – Мне бы не хотелось пропустить такое знаменательное событие, – добавил он, как мне показалось, довольно смущенно.

– А оно именно знаменательное? – растерянно уточнил я, помогая ему выбраться из кресла.

Великий Магистр ничего не ответил, а припал к смотровому окошку и замер, как маленький ребенок. Через несколько минут мой локоть, в который он вцепился, чтобы сохранять равновесие, взмолился о пощаде, но я не решался шелохнуться. Если уж умирающему старику приспичило посмотреть на китов – что ж, его право.

– Спасибо, Макс, – наконец сказал Нуфлин. – Усади меня в кресло, пожалуйста.

Я помог ему устроиться в кресле и тут же сам припал к окошку. Киты постепенно удалялись, но скрываться под водой, вроде бы, не собирались, так что можно было продолжать любоваться.

– А знаешь, это очень добрый знак, мальчик, – неожиданно сказал Магистр Нуфлин из-за моей спины.

– Еще бы! Киты все-таки! – тоном знатока подтвердил я.

– Обычно они не заплывают в Великое Средиземное Море, – пояснил мой спутник. – В нашем полушарии киты – большая редкость. Вот поближе к Арвароху их много. Моряки с Хонхоны считают встречу с китом наилучшей приметой. Она означает, что все вернутся домой живыми, да еще и с прибылью, огромной, как китовая туша. А мы встретили не одного кита, а сразу четырех.

– Значит, все будет хорошо, – я обернулся к нему и искренне улыбнулся. – Ваша Харумба окажется замечательным местом, вот увидите! А я вернусь домой живым, что тоже не может не радовать.

– Ой, Макс, не прибедняйся! Тебе и примет никаких не нужно, – усмехнулся Нуфлин. – Ты – одно из самых живучих существ в этом Мире, в чем я имел честь самолично убедиться.

– Ничего, лишний добрый знак и мне не помешает, – вздохнул я, с облегчением отметив, что обстановка необъяснимым образом разрядилась.

Спасибо китам. Если бы не они, вряд ли бы мы стали так непринужденно болтать – два человека, отрезанные от мира многими дюжинами футов и высокими бортами корзины бесхитростного летательного аппарата, охранник и его подопечный, неудачливый убийца и его ошеломленная жертва, не в меру великодушный судья и оправданный преступник – все это, с позволения сказать, в одном флаконе.

– Рыжие здесь киты, – еще раз сказал я. Сочетание звуков в слове «рыжие» необъяснимым образом ласкало мое нёбо и идеально соответствовало не только окраске китов, но и восторженной нежности, которую я к ним испытывал. – Там, где я родился, рыжих китов не бывает, – с внезапной откровенностью сообщил я Нуфлину. – Они там… – я запнулся, подбирая определение, и наконец нашел: – …темные, как сумерки в пасмурную погоду.

– А в том Мире, где ты родился, тоже есть киты? – полюбопытствовал Нуфлин.

– Ага, – кивнул я.

Мы снова замолчали, но на сей раз молчание было не гнетущим, а умиротворенным.

Незадолго до заката я почувствовал странное беспокойство. Странное потому, что оно родилось не в моем собственном сердце, а пришло извне. Ощущение было похоже на внезапный порыв ветра, иначе не скажешь.

– Что-то случилось? – сразу спросил я своего спутника.

– Еще не знаю, – настороженно ответил он. – А что ты почуял?

– Ничего определенного. Но…

– Что-то переменилось, – кивнул он. – И знаешь, что я тебе скажу? Мне это не нравится. Хуже всего, что я никак не могу понять, что именно происходит – то ли просто погода портится, то ли надвигаются настоящие неприятности.

– Сейчас окажется, что ваши старинные враги – никакой не миф, а самая что ни на есть суровая правда, – вздохнул я. – Ладно, если что – будем драться. Куда ж я денусь?..

Я не успел договорить, потому что началось черт знает что. Небо разверзлось и пролилось на нас огненным дождем.

Я отлично понимаю, что неуместный пафос делает мою попытку достоверно обрисовать ситуацию совершенно беспомощной, но что я могу поделать, если небо действительно именно разверзлось и пролилось на нас огненным дождем – не больше, и не меньше. Разноцветные брызги холодного огня не обжигали кожу, зато они стирали с лица земли наш летающий пузырь, да и нас, его пассажиров, тоже. Я успел заметить, что мое тело зияет зловещими прорехами, как рваное лоохи портового нищего, и испытал ужас, описать который не берусь. Все мои прежние страхи не имели никакого сходства с этим всепоглощающим чувством.

Но у меня в запасе все же было одно-единственное коротенькое мгновение. Его бы не хватило на размышления и поиски выхода, зато хватило на действие – судорожный, но мощный рывок под сень стены из белого кирпича, которая, как ни крути, была раз и навсегда воздвигнута в моем сознании. Разумеется, я бы ни за что не стал этого делать, если бы у меня была возможность обдумать свои действия. Оказывается, иногда паника может спасти жизнь.

Мне снова пришлось испытать сокрушительную, тошнотворную слабость умирающего старика, содрогнуться от ужаса при виде собственного сведенного судорогой тела; вернуться наконец к себе и заорать от жгучей боли в груди, смешанной с восторгом новорожденного.

Хвала Магистрам, все это продолжалось очень недолго, словно бы услужливый киномеханик великодушно промотал пленку в ускоренном режиме, бормоча под нос: «Это мы уже видели».

По счастью, я не только отлично помнил события, которые предшествовали повторению одного из самых неприятных эпизодов моей жизни, но и сумел довольно шустро сообразить, что случилось.

Оказавшись на самом краю, я инстинктивно рванулся под защиту своей белой стены. Ничего удивительного, в течение нескольких дней я строил ее в полной уверенности, что она защитит меня от всех напастей. Мне, конечно, доходчиво объяснили, что это бессовестное вранье, но сжиться с новой концепцией я пока не успел.

Все к лучшему. Могущество ловушки каким-то образом протащило меня сквозь время и грубо швырнуло на пол корзины, «мордой в говно», как непременно сказала бы моя бабушка, крупный специалист по бытовым невзгодам.

Впрочем, это, с позволения сказать, сальто назад с переворотом пришлось исполнить не только мне. Магистр Нуфлин сидел в своем кресле – смертельно бледный, взволнованный, зато вполне живой. К счастью, он оказался крепче, чем мы предполагали перед отъездом. От таких потрясений кто угодно мог бы свалиться с инфарктом, а ему хоть бы хны.

– Вы поняли, что случилось? – взволнованно спросил я.

– Думаю, что да.

Нуфлин замялся, а потом торопливо добавил:

– Видишь ли, до сих пор я не слишком часто использовал этот прием с белой кирпичной стеной, и мне в голову не приходило, что такая ловушка способна перенести своего пленника сквозь время. А, собственно, как ты это сделал? – с показным равнодушием спросил он.

Я понял, что Магистр Нуфлин умирает от любопытства, но за свою долгую жизнь законного властителя и признанного мудреца он давным-давно отвык обращаться за разъяснениями, особенно к сопливым неофитам вроде меня. Но вот ведь обуздал гордыню. До чего любопытство людей доводит.

– Тут и рассказывать-то нечего, – я даже по сторонам стал оглядываться, словно бы в надежде отыскать подходящее слово где-нибудь на полу, среди дорожных сумок и одеял. – Когда все… ну, или не все, а только мы с вами стали таять под этим огненным дождем… В общем, я ударился в панику, перестал соображать, забыл, что ваша стена была ловушкой. И воссоздал ее в своем воображении, словно она может меня спасти. И, как видите, действительно спасла. Хотя все это было довольно неприятно.

– Полностью с тобой согласен, – кивнул Нуфлин. – Не так неприятно, как в первый раз, и все же… Будь любезен, выгляни-ка в окно.

Я послушно обернулся к смотровому окошку и обнаружил, что последние остатки заката все еще размазаны по нижнему краю блеклых облаков.

– Начало ночи? – лаконично спросил Нуфлин.

– Ну да. Судя по всему, она только что наступила. И это подтверждает мою версию.

– Да, ты прав. Судя по всему, мы действительно вернулись в прошлое и были вынуждены еще раз его пережить, – задумчиво сказал он. – Ты каким-то образом получил некоторую власть над временем, что само по себе удивительно.

– Здорово, что мы с вами сохранили воспоминания обо всем, что случилось, – заметил я. – Я помню и наш тяжелый разговор, и китов, и весь этот кошмар, который случился под вечер. Вы тоже все помните, верно?

– Разумеется, – кивнул Нуфлин. – И это не только избавляет нас от необходимости снова толочь воду в ступе, но и сулит надежду на спасение. Теперь мы оба заранее знаем, что нас ждет завтра на закате, и, возможно, сумеем надлежащим образом подготовиться к неприятностям. По крайней мере, у нас есть время как следует подумать.

– Изменить курс? – тут же предложил я. И сам понял, что сморозил глупость. Существо, заставившее небеса истекать смертоносным ледяным пламенем, наверняка сможет найти и поразить нас где угодно, хоть на дне моря, было бы желание.

Мы немного помолчали, потом я нерешительно спросил:

– А что если все-таки попробовать уйти Темным Путем? Джуффин говорил мне, что вы наотрез отказались путешествовать таким способом, но теперь я думаю, что дело вовсе не в том, будто чужая магия опасна для вашей жизни…

– Правильно думаешь. Особой опасности тут для меня нет. Просто, путешествуя Темным Путем, я бы не успел заманить провожающего в ловушку, – сухо согласился он. – Что ж, не ошибаются только мертвые. Но кусать локти уже поздно.

– Подождите, почему поздно? – изумленно спросил я. – До заката у нас куча времени.

– Но, к сожалению, недостаточно, чтобы добраться до ближайшего клочка суши. Можешь не хвататься за карту, я и без нее отлично знаю каждый клочок пространства в этой части Мира, – печально сказал старик. – Не понимаешь? Если хочешь воспользоваться Темным Путем, нужно, чтобы ноги твердо стояли на земле. Ну или на полу, в доме, который построен на земле, – этаж, хвала Магистрам, не имеет значения. Но уйти Темным Путем отсюда, из этой корзины… Решительно невозможно. Даже не пробуй, а то навлечешь беду на себя и на меня, вот что я тебе скажу.

– Ну мы и влипли, – разочарованно вздохнул я. – И что делать будем? Говорил же я вам, что охранник из меня никудышный.

– Что ж, другого все равно нет, – философски пожал плечами Магистр Нуфлин. – Впрочем, ты уже спас нас обоих от неминуемой гибели. Так что не прибедняйся, мальчик.

– Послать, что ли, зов Джуффину? – неуверенно предложил я. – Может быть, он знает?

– Ни в коем случае! Даже не вздумай ни с кем разговаривать, – резко сказал Нуфлин. Потом, смягчившись, добавил: – Пойми, Макс, сейчас мы заново переживаем события, которые уже случились с нами однажды. Не стоит отягощать эту ситуацию, и без того двусмысленную и опасную, лишними контактами с внешним миром. Я не знаю, каковы могут быть последствия, но поверь мне на слово, с временем лучше не шутить. Ему палец в рот не клади: сведет с ума и проглотит, ты и пикнуть не успеешь.

– Ладно, – растерянно согласился я. – Но что в таком случае мы будем делать?

– Думать, – строго сказал старик. – Впрочем, можешь не слишком себя утруждать. Лучше успокойся и съешь что-нибудь. На тебе лица нет.

Последовать его снисходительному совету оказалось чертовски трудно. Мне кусок в горло не лез. Впрочем, Магистр Нуфлин не считал нужным контролировать, как я справляюсь с этой задачей. Он неподвижно сидел в своем кресле, прикрыв глаза – не то действительно думал, не то дремал. Я оставил попытки изнасиловать свой взбунтовавшийся организм порцией чего-нибудь съестного и заступил на вахту у окошка. Решил проверить, объявятся ли наши киты. Это почему-то было для меня очень важно.

Золотистые спины морских гигантов появились в срок.

– А вот и киты, – сообщил я Нуфлину. – Здесь они, приплыли как миленькие.

Он равнодушно кивнул. К смотровому окошку на сей раз не попросился.

– Вы еще ничего не придумали? – нетерпеливо спросил я. – А то смотрите, могу подключиться.

Все мои давешние заслуги вместе взятые не избавили меня от ехидного молчания Магистра Нуфлина. Уверен, в прежние времена, когда старик еще был в силе, я бы тут же грохнулся замертво – настолько ядовитым был взгляд, которым он меня смерил.

«Так, в мой могучий интеллект он явно не верит, – весело подумал я. – И никто в него не верит, разве что мой пес, да и тот по доброте душевной».

– Что ж, не хотите, чтобы я думал, – не буду. Но скажите, вы хоть догадываетесь, кто на нас нападал?

– Я не догадываюсь, я знаю, – пожал плечами Нуфлин. – А толку-то. Его имя на хлеб не положишь. Скажу тебе больше, его и вслух-то произносить нежелательно.

– Хонна, Великий Магистр Ордена Потаенной Травы?! – изумился я.

Теоретически мне следовало бы испугаться, но я обрадовался. Этот легендарный персонаж уже давно тревожил мое воображение – с тех самых пор, когда Джуффин подарил мне его головную повязку, которая, увы, сгорела, спасая меня от верной смерти. А уж сколько раз она оберегала мой сон, пока была моим талисманом, – и не сосчитать!

– Ты что, спятил? – возмутился Нуфлин. – Его имя нельзя произносить вслух. Это смертельно опасно.

– Но я-то жив, как видите. Мне однажды объяснили, что замертво упадет только тот, кто питает к Магистру Хонне недобрые чувства. Поэтому мне ничего не грозит. В свое время у меня хранилась одна его вещица. Вернее, это я у нее «хранился» – такой хороший был защитный амулет! Если бы не Магистр Хонна, меня бы уже давным-давно в живых не было. Можете себе представить, насколько теплые чувства я к нему испытываю!

– Ну, если ты так уверен… Что ж, поступай как знаешь, – неохотно согласился мой спутник.

– А почему вы полагаете, что это именно он? – взволнованно спросил я. – Неужели Магистр Хонна ваш самый злейший враг? Странно, ведь Орден Потаенной Травы был распущен не по вашей милости, а по его собственной инициативе.

– Он, возможно, не самый злейший враг, хотя свои счеты у нас всегда были. Да с кем их только у меня не было, – неохотно сказал Нуфлин. – Но не в этом дело. Хонна – единственный, кто покинул Ехо с намерением найти силу вдали от Сердца Мира, там, где прочие мастера Очевидной магии становятся беспомощными, как младенцы. И у меня есть сведения из самых надежных источников, что его усилия не пропали даром. Все очень просто, Макс: никто другой не смог бы заставить вечность излиться на нас холодным дождем. Скажу тебе больше, сейчас у моих былых противников, даже если бы они собрались все вместе, вряд ли хватило бы могущества повредить наш летающий пузырь и обрушить его в море – пустяковый фокус, который в прежние времена был под силу любому из Младших Магистров какого-нибудь заштатного Ордена.

– Значит, никто, кроме Магистра Хонны, просто не смог бы ничего с нами сделать? – уточнил я.

– Разве что его любимый ученик, Фило Мелифаро, дед твоего приятеля, – неохотно сказал Нуфлин. – Я слышал, что Фило не только последовал за своим учителем, но и достиг значительных успехов на этом темном для моего понимания пути. Но Фило слишком добродушен. И слишком молод для таких дел.

– Ясно, – кивнул я. Бросил прощальный взгляд на рыжие спины беззаботных морских гигантов, резвящихся далеко внизу, – тоже мне, хорошая примета! – уселся на пол и задумался.

Ничего гениального я, разумеется, не придумал. Зато с удивлением понял, что уверенность Нуфлина в том, что на нас охотится Великий Магистр Хонна, подействовала на меня весьма успокаивающе.

Я больше не мог бояться, как ни старался. Сколько ни твердил себе, что мой внезапный героизм неуместен и порожден легкомыслием молодого идиота, уверенного в несокрушимой силе своего обаяния, но предстоящее нам повторение давешнего приключения не вызывало у меня почти никакой тревоги – ну, разве что самую малость. Если бы выяснилось, что сегодня вечером мне придется посетить стоматолога, я бы, вне всякого сомнения, разволновался куда больше.

«Дурак!» – сердито сказал я себе, когда окончательно понял, что трачу драгоценное время на сущую ерунду. Вместо того чтобы искать выход, сижу, мечтаю, сколь захватывающие и поучительные беседы могли бы вести мы с Магистром Хонной, если бы судьба предоставила нам возможность перекинуться словечком за кружечкой камры вместо всех этих хлопот вокруг Магистра Нуфлина, и без того едва живого.

Слово «дурак» не произвело особого впечатления на ту часть моего сознания, которая была поглощена ударным строительством воздушных замков. Пришлось пойти на крайние меры. В течение нескольких минут я рисовал перед внутренним взором ужасающие картины полного исчезновения меня, любимого, с лица земли.

«Пойми, кретин, тебя прихлопнут просто так, за компанию, – объяснял я себе. – Ему нет никакого дела до тебя. Когда террорист кладет бомбу в автомобиль своей жертвы, он вряд ли станет задумываться о судьбе мухи, беззаботно ползающей по сиденью. И уж тем более не станет отменять задуманное ради спасения несчастного насекомого. Скорее всего, муху вообще никто не заметит. А в данной ситуации ты и есть та самая муха».

Надо отдать мне должное: уж если я решил испортить себе настроение, то своего добьюсь, рано или поздно. Я наконец-то оценил безвыходность ситуации, в которую влип. К тому же ощущать себя мелкой, незначительной фигурой, которую, не задумываясь, принесут в жертву во имя великой цели, было чертовски обидно. За годы, проведенные в прекрасной столице Соединенного Королевства, я привык ощущать себя значительной персоной, центральной фигурой чуть ли не любого происшествия. Моя жизнь не раз подвергалась опасности, но никогда еще меня не убивали просто так, за компанию с какой-нибудь важной шишкой.

«Ну вот, – рассудительно сказал я себе, – не хочешь быть случайной жертвой – и не надо. Постарайся объясниться с этим гением, Великим Магистром Хонной, пока не поздно. Авось выпросишь у него помилование для Нуфлина или хоть для себя, любимого. Только для себя – это, конечно, изрядное свинство. А все же лучше, чем ничего!»

Моя идея – ее, строго говоря, и идеей называть не следовало – казалась простой до безобразия. Я решил провести переговоры с нашим – не то бывшим, не то будущим, с этими путешествиями во времени свихнуться можно! – противником.

Принять такое решение было проще простого. Оно казалось вполне очевидным, и что особенно важно – единственным. А вот с его осуществлением были серьезные проблемы.

У меня до сих пор то и дело возникают мелкие недоразумения с Безмолвной речью: устаю я от нее слишком быстро, иногда даже умудряюсь временно потерять собеседника, совсем как в те времена, когда я был счастливым обладателем самого раздолбанного телефонного аппарата во Вселенной. А уж установить Безмолвный контакт с человеком, которого никогда в жизни не видел…

Словом, у меня были все основания сомневаться в успехе задуманного дипломатического мероприятия. Но стоило хотя бы попробовать, поскольку мне не улыбалась перспектива навсегда увязнуть в сегодняшнем дне. А уж возможность героически погибнуть за компанию с Магистром Нуфлином вызывала у меня чувства, весьма далекие от энтузиазма.

Поскольку единственной зацепкой, которая связывала меня с Великим Магистром Хонной, как ни крути, была его головная повязка, я сосредоточился и принялся восстанавливать в памяти облик этой вещицы, давным-давно сгоревшей от прикосновения «Тонкой смерти».

Было бы что вспоминать, конечно. Обыкновенная старая тряпочка, выгоревшая на солнце до полного исчезновения цвета. Такой блеклый, изжелта-серый лоскуток тонкой ткани, на ощупь напоминающей прохладный шелк. Но я проявил завидное упорство. Бабочка, настойчиво бьющаяся об оконное стекло, по сравнению со мной – сущая бездельница и разгильдяйка.

В конце концов перед моим внутренним взором возникли даже спутанные коротенькие нитки, топорщившиеся по краям могущественной тряпочки. Но это была только половина

дела, причем плевая половина. Теперь мне предстояло вспомнить бывшего владельца этой повязки. Ага, легко сказать – «вспомнить»! Человека, которого я не видел никогда в жизни. То еще развлечение.

Сам не знаю как, но кое-что мне удалось. Не то чтобы я действительно вспомнил Великого Магистра Хонну, но мне удалось почувствовать, что между нами существует некая связь – весьма поверхностная и, можно сказать, ни к чему не обязывающая. Нечто похожее ощущает порой новый владелец дома, когда смотрится в старое зеркало и почти видит там размытые отражения прежних жильцов.

И я знал, что сам Магистр Хонна, где бы он ни был, чем бы ни занимал свой ум, сейчас тоже настороженно прислушивается к странному беспокойству, чует, что кто-то незнакомый хочет установить с ним Безмолвный контакт. Оставалось надеяться, что он все так же любопытен, как в старые времена, когда абстрактное влечение к тайне сорвало его с насиженного места и повлекло на край света, по темным лабиринтам новой, чужой, не подогнанной по росту судьбы.

Хвала Магистрам, Магистр Хонна действительно заинтересовался происходящим. Ему не составило труда разыскать меня и обрушиться на мою горемычную голову градом вопросов: «Что такое? В чем дело? Ты кто?»

«Хороший день, – вежливо сказал я. – Прошу прощения, что пришлось вас потревожить. Меня зовут Макс. Мы с вами не знакомы. Вернее, это вы со мной не знакомы, а я очень много о вас слышал. Скажу больше, в свое время сэр Джуффин Халли подарил мне вашу головную повязку, и она не раз спасала мне жизнь, за что я вам глубоко признателен».

«Погоди, – остановил меня он. – Хочешь сказать, что ты просто решил выразить мне свою признательность? Чушь какая!»

«Нет, – честно признался я. – Ради того, чтобы просто сказать спасибо, я бы вряд ли решился вас беспокоить. Да и не вышло бы ничего. Установить Безмолвную связь с человеком, которого я никогда не видел, – до сих пор мне такое чудо было не по плечу. А невозможное я совершаю, только когда меня припрут к стенке».

«Выходит, тебя только что приперли к этой грешной стенке? Очень любопытно, – отозвался мой невидимый собеседник. – Ну-ну, продолжай».

И я продолжил. Выложил ему все, как духовнику на исповеди. Сначала сообщил, что я и есть тот самый единственный и неповторимый «счастливчик», на которого возложили ответственность за доставку Магистра Нуфлина в Харумбу. Эта новость, как и следовало ожидать, не произвела на моего собеседника должного впечатления. Он, как я заранее опасался, тут же вознамерился закончить разговор. Я выпросил еще одну минуту внимания и поведал Хонне, что мы уже успели подвергнуться атаке, которую он запланировал на сегодняшний вечер. То есть для него это событие пока было делом неопределенного, хоть и тщательно распланированного будущего, а для нас – прошлым.

Испытывая законную гордость единственного в своем роде специалиста по невозможному, я добавил, что нам с Нуфлином удалось удрать от его грозной ворожбы в спасительное утро уже прожитого дня. Магистр Хонна изумился, но был вынужден поверить мне на слово: я достоверно описал, как именно выглядела его атака.

Теперь об окончании беседы и речи быть не могло. Этот бывший-будущий агрессор временно забыл о своих счетах с Нуфлином и жаждал полноценного профессионального общения.

В первую очередь Магистр Хонна пожелал выяснить, с кем он имеет дело. Пришлось изложить ему сокращенную версию своей занимательной биографии. К счастью, мне как-то удалось произвести благоприятное впечатление – не столько благодаря собственным достоинствам, сколько потому, что Хонна с известной симпатией относился к подавляющему большинству моих добрых приятелей, начиная с семейства Мелифаро, чьи предки были адептами

Ордена Потаенной Травы, и заканчивая сэром Мабой Калохом, с которым мой собеседник, оказывается, был дружен – насколько могли быть дружны Великие Магистры двух разных Орденов. Скажем так, эти достойные джентльмены ни разу не попытались вцепиться друг другу в глотку. По тем временам такие взаимоотношения считались наивысшим проявлением братской любви.

«Ладно, – резюмировал Магистр Хонна, когда я уже был близок к обмороку от переутомления. – С тобой мне все более-менее ясно. Чего я не понимаю – с какой стати ты взялся защищать Нуфлина? Ну, положим, у тебя нет к нему никаких претензий. Опять же, так называемый служебный долг. Надеюсь, ты не придаешь слишком большого значения этому словосочетанию?»

«Если честно, этому словосочетанию я не придаю почти никакого значения. Но вы забыли, мы с ним сидим в одной корзине. Так что и погибать, в случае чего, будем вместе. Вам не кажется, что это весьма веский довод?»

«Что ж, резонно, – согласился он. – Но тебе ничего не грозит, Макс… Я не перепутал? Тебя ведь именно так зовут? Можешь быть спокоен, меч Короля Мёнина не даст тебе умереть. Впрочем, не обязательно полагаться на его защиту. Я могу извлечь тебя из корзины летающего пузыря, прежде чем…»

«Соблазнительный вариант, – мрачно откликнулся я. – И довольно паскудный, как и положено всякому настоящему соблазну. Нуфлин Мони Мах, мягко говоря, не относится к людям, без которых моя жизнь утратит смысл. И не думаю, что сэр Джуффин Халли уволит меня из Тайного Сыска, когда узнает, что я с треском провалил это задание. Скорее уж похвалит за то, что сам жив остался. Но… Как-то очень уж гнусно выйдет, если я эвакуируюсь и оставлю старика пропадать. И вообще, зачем вам все это?»

«Что – все?»

«Зачем вам убивать дряхлого старика, который и без того едет умирать? Ну, положим, он здорово насолил вам в свое время. Хотя, насколько мне известно, вам-то он как раз не слишком насолил, вы добровольно покинули Ехо в самом начале Смутных Времен, по каким-то своим соображениям, верно? И ребята из вашего Ордена, по-моему, пострадали гораздо меньше, чем другие, – никто не погиб, все разбежались, а изгнание не такое уж великое зло, если даже вы сами сочли его единственным достойным способом обрести невиданное могущество. И, судя по всему, обрели».

«Все правильно, – согласился Магистр Хонна. – Длительное пребывание в Сердце Мира не идет на пользу тому, кто хочет чего-то большего, чем кухонная магия. Доступность чудес развращает не меньше, чем их полное отсутствие, а странствия дают шанс обрести некую золотую середину. Так что изгнание действительно может пойти на пользу тому, чей дух достаточно тверд, чтобы не сломиться под бременем неизбежных неудач, преследующих неофита. Но я и не занимаюсь личной местью. Я лишь восстанавливаю справедливость. Не больше, но и не меньше. На руках Нуфлина слишком много крови – и какой! Самой лучшей крови, которая текла в жилах самых могущественных колдунов Соединенного Королевства».

«Не только на его руках, – возразил я. – Насколько я успел изучить историю этих ваших Смутных Времен, кровью все до ушей перемазались. Почему именно Нуфлин? Или это только начало вашей работы с длинным-длинным списком?»

«Не говори ерунду. Нет у меня никакого длинного списка. Нуфлин – особый случай. Видишь ли, он не только зачинщик смуты – если уж на то пошло, покойный Король приложил не меньше усилий, чтобы развязать гражданскую войну. Но Нуфлин, пожалуй, единственный, кто получил от нее настоящее удовольствие. Можешь мне поверить, он отдавал приказы об убийствах не потому, что смиренно подчинялся необходимости. Скорее наоборот, Нуфлин силой вынудил необходимость подчиниться его тайным властолюбивым мечтаниям, замешанным на зависти, трусливой осторожности и неизбежном одиночестве. Вот, к при-

меру, Кеттариец, твой нынешний начальник, – тот никогда не испытывал личной ненависти к своим жертвам. И уж тем более не радовался, совершая очередное убийство. Просто следовал своей странной судьбе со смирением истинного странника. Поэтому с него и спроса никакого – по большому счету, разумеется, а другой счет меня не интересует. А вот Нуфлин очень искренне ненавидел каждого, за чьей жизнью посылал своих наемников. И столь же искренне радовался, получая в подарок очередную голову. Впрочем, ненависть – не самый тяжкий его грех. Он убивал тех, кому завидовал. И тех, кого опасался. Тех, кто при всем своем несовершенстве был лучше, чем он. Он уничтожал весьма избирательно – лучших из лучших. Понимаешь, о чем я толкую?»

«Пожалуй, понимаю. Да, действительно мерзкий тип. Что у него в голове делалось – представить тошно! Но… Да какая, к Темным Магистрам, разница, почему он это делал? Это осталось в прошлом. А прошлое – прошло. Тогда – это тогда, а сейчас – это сейчас, и я, хоть убейте, не могу связать их в единую непрерывную цепочку. Если бы вы собирались убить того Нуфлина, который отдавал эти приказы, – что ж, вряд ли я стал бы вам мешать. Но сейчас это не имеет значения. Тот Нуфлин, которого вы приговорили к смерти, и без того давным-давно исчез. Остался только совершенно беспомощный, дряхлый старик. Такая участь сама по себе достаточное наказание. Мне пришлось побывать в его шкуре, поэтому я знаю, о чем говорю».

«Не понимаю, что ты имеешь в виду, – перебил меня Магистр Хонна. – Ты побывал в его шкуре? Но каким образом? Что ты имеешь в виду? Объясни».

И мне пришлось рассказать о последней гастроли Магистра Нуфлина. Без этой предыстории мне не удалось бы объяснить Хонне, каким образом я – не на крыльях пылкого воображения, а целиком, со всеми потрохами – оказался в шкуре своего подопечного.

«Ну ты даешь!» – резюмировал он, когда я закончил объяснения.

К этому моменту мою одежду можно было выжимать, а перед глазами весело плясали разноцветные пятна, верные спутники полуобморочного состояния. Еще полчаса назад я благополучно установил новый личный рекорд продолжительности непрерывного Безмолвного диалога, а конца нашей беседе по-прежнему не было видно.

«Понимаю, со стороны я наверняка выгляжу не то идиотом, не то благородным рыцарем, – вздохнул я. – Но на самом деле…»

«На самом деле ты – нечто среднее, – перебил меня Магистр Хонна. – Впрочем, это твое личное дело. Не мне судить человека, с которым произошло нечто выходящее за пределы моего опыта. Что ж, я должен обдумать наш разговор, да и ты, кажется, выбился из сил. Можешь перевести дух. И не беспокойся о том, как снова установить со мной Безмолвную связь, я сам найду тебя через час-другой».

«Спасибо, – с облегчением выдавил я. – До свидания».

«Такой воспитанный молодой человек, – насмешливо заметил он на прощание. – Просто чудо какое-то! Хотел бы я знать, сэр Макс, у тебя есть хоть какие-то обычные человеческие пороки?»

Чего-чего, а этого добра всегда хватало; наскоро составленный список мог бы насчитать не одну дюжину пунктов. Но отвечать я уже был не в состоянии, так что вопрос повис в воздухе.

Сделав несколько медленных, глубоких вдохов и выдохов, я кое-как расслабил окаменевшие мускулы живота и потянулся к дорожной сумке. Мне срочно требовалось переодеться: даже Мантия Смерти насквозь пропиталась потом, о прочих тряпках и говорить нечего.

Переодевшись в сухую скабу и закутавшись в теплое туланское лоохи, я почувствовал себя достаточно живым, чтобы наконец уделить внимание своему спутнику.

Оказалось, что Магистр Нуфлин смотрит на меня с неподдельным интересом, как отвыкший от полевой практики антрополог на татуированного жителя джунглей.

– Что с тобой происходит? – наконец спросил он. – То сидел, закатив глаза, – спасибо хоть в обморок падать не стал! – то вдруг раздеваться начал. Только не вздумай сойти с ума прежде, чем я окажусь в Харумбе. Потом – твое дело!

– Вы поздно спохватились, – злорадно сказал я. – С ума я сошел так давно, что исправлять сей прискорбный факт уже поздно. Но, вообще-то, я просто беседовал с нашим противником. Решил, что для начала можно попробовать найти с ним общий язык – почему нет? Уроженцы Кеттари, например, считают, что два хороших человека всегда могут договориться. А мы с Магистром Хонной хоть и не кеттарийцы, но вполне славные ребята. Устал я зверски, вот что скверно. Эта Безмолвная речь когда-нибудь меня в могилу загонит.

– И до чего же вы договорились? – в голосе Нуфлина появились недоверчивые интонации.

Его можно было понять. На его месте я бы и сам дергался. Увы, в критических ситуациях самые симпатичные личности порой начинают вести себя по-свински – такова человеческая природа, и чем дольше живешь на свете, тем лучше понимаешь, как мало исключений из этого правила, Люциферу никаких пастей не хватит. А Магистр Нуфлин жил очень долго. Настолько долго, что вполне мог решить, будто исключений не бывает вовсе.

– Мы пока не договорились, – честно признался я. – Я довольно долго объяснял ему, что вас не надо убивать. Некоторые аргументы казались ему смехотворными, к другим он вроде бы прислушался. Теперь Магистр Хонна взял тайм-аут. Будет думать. Надеюсь, моя пламенная речь произвела на него впечатление. Это было бы самым простым выходом из положения, правда? Если учесть, что драться с ним вы уже не можете, а я еще не могу…

– Если тебя интересует мое мнение, имей в виду, что я не думаю, будто этого упрямца так просто уговорить, – проворчал Нуфлин. – Хотелось бы, конечно. Потому что я пока ничего путного не придумал. Есть в моем арсенале пара-тройка фокусов, специально для такого случая, но я, как видишь, не в лучшей форме, а ты, пожалуй, не справишься. Для таких чудес требуется не только могущество, но и некоторый опыт в высокой науке ненависти, тебе совершенно недоступной.

Он адресовал мне укоризненный взгляд (оставалось только удивляться его способности перекладывать проблемы с больной головы на здоровую) и сварливо добавил:

– Взял бы я с собой Кеттарийца и горя теперь не имел бы. Как говорится, знал бы, где споткнешься, подушку подложил бы! А с такой охраной, какую я получил на свою голову, ничего не остается, кроме как попробовать достичь ближайшей суши и воспользоваться Темным Путем. Но за один день мы до земли не доберемся, даже если пузырь будет лететь в два раза быстрее.

– Вот то-то и оно, – веско подтвердил я – лишь бы что-то сказать.

Честно говоря, у меня больше не было сил поддерживать эту тягостную беседу. Их у меня вообще ни на что не осталось.

Я свернулся калачиком на дне корзины и задремал, от всей души надеясь, что Магистр Нуфлин не предпримет очередную попытку завладеть моим телом. Это было бы как-то уж слишком глупо.

Но он не был безумцем. Старик прекрасно понимал, что я – его последний шанс добраться до Харумбы в целости и сохранности. Думаю, он понимал это даже лучше, чем я сам.

Поэтому разбудила меня не очередная порция чертовщины, а насущная необходимость поддерживать Безмолвную беседу. Магистр Хонна сдержал слово и прислал мне зов. Впрочем, я и не сомневался. Он с самого начала показался мне человеком, слову которого можно доверять.

«Ну что ж, – произнес он таким тоном, словно наш давешний разговор не прерывался ни на минуту. – Можно сказать, я принял решение. Не уверен, что ты придешь в восторг, но… Мне кажется, так будет справедливо».

«Не тяните из меня жилы, – мрачно попросил я. – Скажите сразу, ладно?»

«Да я, собственно, и собираюсь это сделать. Итак, сэр Макс, я решил, что поскольку меня не связывает по рукам и ногам необходимость совершать так называемые добрые поступки…»

«Черт! – обреченно подумал я. – Так и знал, что ничего не получится!»

«…У меня нет ни единой стоящей причины отпускать Нуфлина восвояси, – продолжил Хонна. И после эффектной паузы добавил: – Но ты можешь выкупить у меня его голову».

«Выкупить? – изумился я. – Но что вы хотите получить? Не деньги же, в самом деле! А если мою жизнь… Знаете, я, пожалуй, не готов принести такую жертву. Я не хочу умирать и никогда не стеснялся говорить об этом вслух».

«Не болтай ерунду, – перебил он. – Твоя жизнь мне ни к чему: ты не враг и не друг, по крайней мере, пока. Я, можно сказать, вообще с тобой не знаком, сэр Макс. Какое мне дело до твоей жизни? Но у тебя есть одна вещица, которая меня весьма интересует. Меч Короля Мёнина. Обменяешь его на жизнь пройдохи Нуфлина? Сделка, что и говорить, для тебя невыгодная. Но это единственный вариант, на который я готов согласиться».

В первое мгновение я испытал ни с чем не сравнимое облегчение: выход нашелся! Это было профессиональное торжество кризисного менеджера, которому в очередной раз удалось все уладить.

Потом я призадумался. По здравому размышлению, плата была слишком высока. Я уже привык жить с этой полезной мистической железякой в груди. Время от времени меч Короля Мёнина заставляет меня переживать весьма неприятные мгновения, а иногда он сам решает, какие поступки я должен совершать, абсолютно не считаясь с моим драгоценным мнением по данному вопросу. Но это сущие пустяки по сравнению с теми преимуществами, которые он мне дарит.

Я уже почти забыл, что такое настоящая опасность. Меч предоставил мне ни с чем не сравнимую возможность шутя ускользать от смерти, хоть по дюжине раз на дню. Более надежного защитника и вообразить невозможно. Если бы не он, моя увлекательная биография завершилась бы еще несколько лет назад. Отдать меч и снова стать уязвимым, как все люди… Да нет, гораздо более уязвимым. Мои могущественные опекуны не раз озабоченно предупреждали меня, что смерть испытывает ко мне совершенно особый, обостренный, можно сказать, нездоровый интерес.

Конечно, если бы речь шла о спасении кого-нибудь из моих друзей, я бы не колебался ни мгновения. Была бы ставкой, скажем, жизнь того же Джуффина, я и меч бы отдал, не раздумывая, да еще и в море бы прыгнул прямо из корзины летающего пузыря, если бы такая дикая выходка входила в условия контракта. Правда, я решительно не мог вообразить ситуацию, в которой мне пришлось бы спасать жизнь сэра Джуффина Халли. Он из породы людей, которые просто не могут нуждаться в чужой помощи; разве что по мелочам – за газетой сбегать, годовой отчет за него дописать…

Я покосился на Магистра Нуфлина. Он неподвижно сидел в своем кресле. Глаза прикрыты, дыхание ровное и поверхностное, как у спящего. Но я не сомневался: старик отлично понимает, что сейчас решается его судьба. Он был совершенно спокоен – еще бы! Думаю, Нуфлин с самого начала знал, что я не могу сказать Магистру Хонне: «Ладно, берите его голову, на черта он мне сдался!» – а потом жить дальше, как ни в чем не бывало. Нуфлин Мони Мах знал меня лучше, чем я сам.

Я утер вспотевший лоб и обреченно вздохнул. Выбора, кажется, не было. Вообще-то, с точки зрения нормального человека, я – совершенно безнравственный тип. Откровенно говоря, я никогда не испытывал какого-то особого отвращения к предателям, поскольку прекрасно понимал: все дело в том, что одни люди живут всерьез, а другие играют в увлекательную игру под названием «жизнь», на ходу изобретая и меняя правила. И первые придумали кучу нелестных слов для определения действий вторых, как правило, неудобных и опасных

для окружающих, – только и всего. Я уверен, что и сам вполне мог бы не раз заработать почетное звание предателя (по крайней мере, потенциального) – если бы комиссии добропорядочных граждан, считающих своей священной обязанностью судить всех, кто под руку подвернется, довелось как следует покопаться в моей голове.

Но в данном случае о предательстве и речи не шло. Невозможно предать человека, с которым тебя ничего не связывает. Если я отдам Нуфлина, это будет всего лишь выгодная сделка с собственной трусостью, сопровождаемая низким верноподданническим поклоном в адрес алчности и расчетливости, – так я себе это представлял. Мне светила не бездонная пропасть, а всего лишь приятное непродолжительное путешествие в сточную канаву.

Именно это мне и не нравилось. Низвержение в пропасть хоть на каком-то этапе худобедно похоже на полет, зато падение в канаву совершенно безопасно. Но уж дерьма наглотаешься на всю жизнь. и, чего доброго, привыкнешь к его вкусу.

«Что ж, – обреченно подумал я, – очевидно, никто не выбирает, ради кого или чего следует приносить жертвы. Нужно быть редким счастливчиком, чтобы пожертвовать собой во имя того, что тебе действительно дорого, а не ради чужого дяди. Очевидно, не такой уж я счастливчик. Впрочем, от меня и не требуется умирать. Всего лишь расстаться с могущественным талисманом – одним из многих талисманов, правда, дружок? Меч Короля Мёнина – высокая плата, что и говорить. Но не слишком высокая».

«Что ж, у нас будет только одно затруднение, сугубо технического свойства, – сказал я Магистру Хонне. – Вы в курсе, что этот меч оказался в моей груди по воле Тени Короля Мёнина? Сам я его туда не совал. И, как следствие, понятия не имею, каким образом его оттуда извлечь».

«Следует понимать, ты согласен?»

«Разумеется я согласен, – подтвердил я. – Не могу похвастаться, что испытываю некое особое воодушевление, но… Одним словом, я согласен – если вы действительно сможете извлечь эту таинственную железяку из моего тела, оставив меня в живых».

«Да не суетись ты, ничего с тобой не случится. А уж каким образом я возьму меч – это мое дело. Если бы я не был уверен, что смогу им завладеть, я бы и разговора не заводил. Главное, чтобы ты не сопротивлялся. Надеюсь, твое согласие – это не только пустые слова?»

«Конечно, нет, – удивленно отозвался я. – Хорош бы я был, если бы думал, что вас можно подкупить одним обещанием».

«Вот и славно, – заключил он. – Тогда до вечера».

Я хотел спросить его: что означает это «до вечера»? Как будет выглядеть наша встреча, что именно придется мне пережить? Иногда пациенту хочется заранее знать подробности предстоящей операции, это почему-то успокаивает. Но Магистр Хонна уже исчез из моего сознания. У меня не было сил снова устанавливать с ним связь, так что я решил махнуть на все рукой. Пусть идет как идет.

– Я с ним договорился, – сообщил я Нуфлину. – Так что все будет в порядке, если только… Вы, случайно, не в курсе, Магистру Хонне можно доверять?

– Вообще-то доверять нельзя никому. Но… – он на мгновение замялся, суеверно опасаясь произнести вслух имя своего противника, и наконец выкрутился: – Человек, о котором идет речь, никогда прежде не нарушал своего слова. В Ордене Потаенной Травы бытовало мнение, что ложь разрушительно сказывается на магической силе. А если всегда говорить правду, со временем твои слова могут приобрести силу колдовских заклинаний. Не знаю, не знаю. Сам я никогда не верил в эту теорию… Погоди, мальчик, ты сказал, вы договорились? Трудно поверить! Чем ты его приворожил?

– Да ничем я его не приворожил. Я купил у него вашу жизнь. Обменял ее на… На одну полезную в хозяйстве вещицу. Вот и все. Думаю, мы с вами все-таки доберемся до этой грешной Харумбы. Иначе быть не может, мы же видели китов, правда?

– Обменял, говоришь? – почти возмущенно переспросил Нуфлин. – Ну и дела. Хотел бы я знать, чего стоит моя голова? Что он за нее потребовал?

– Можете быть спокойны, ваша голова стоит очень дорого, – буркнул я. – Дороже вообразить невозможно.

Я отвернулся и умолк. Настроение мое стало совсем уж поганым. До меня только теперь дошло: без меча Короля Мёнина я буду совершенно беззащитен, если Нуфлин решится повторить свой фокус с ловушкой. Эта проклятая стена из белого кирпича по-прежнему маячила на периферии моего сознания, так что у старика были отличные шансы все-таки заполучить мое тело. Рассчитывать на его благодарность особо не приходилось. Люди, которые борются за свою жизнь, быстро перестают придавать значение таким глупостям.

– Кажется, я догадываюсь, что за полезную в хозяйстве вещицу потребовал у тебя мой враг, – задумчиво сказал Нуфлин. – Чего я действительно не понимаю – почему ты согласился на обмен? Ты не похож ни на великодушного человека, ни на безумца, мальчик. Тем не менее…

– А вот так, – я пожал плечами. – Согласился потому, что иначе не получалось, вот и все. Все остальные решения были бы неправильными.

– Именно неправильными? – Нуфлин изумленно поднял брови. – Я не понимаю тебя. Объясни.

– А тут и объяснять нечего, – неохотно сказал я. – Когда я представил себе, что могу отдать вас Хонне и спокойно вернуться в Exo – а он сразу сказал, что ничего не имеет против такого решения – меня начало тошнить, только и всего. Извините, сэр, вы не будете возражать, если я еще немного посплю?

– Да, конечно, – вздохнул он. – Я не буду тебя беспокоить.

Вообще-то я просто хотел немного помолчать, но сам не заметил, как действительно задремал. Удивительно, что мне это удалось – нервы дрожали, как натянутые струны в предвкушении предстоящего веселья. Но сон проявил ангельское великодушие, он пришел ко мне, не спрашивая, готов ли я его принять, и принес в подарок несколько часов удивительной, блаженной тишины.

Я проснулся, когда жемчужно-серое сияние дня неохотно уступало место матовой голубизне ранних сумерек. Магистр Нуфлин тут же подчеркнуто вежливо попросил, чтобы я дал ему воды. Это следовало понимать так: мой спутник уже давно хочет пить, но мужественно терпел жажду, не решаясь прерывать мой сон. Впрочем, вполне возможно, так оно и было.

– В прошлый раз все началось незадолго до заката, – с плохо скрываемой тревогой сказал Нуфлин после того, как я вручил ему чашку с водой. – Значит, нам следует ждать событий с минуты на минуту. Или вы с моим врагом договорились, что он придет за своим имуществом потом, когда наше путешествие будет завершено? – с надеждой спросил он.

– Хонна сказал мне: «До вечера», – вздохнул я. – Не сомневаюсь, что подразумевался именно сегодняшний вечер. Он хочет получить меч, не откладывая. Это называется «предоплата», – и я невольно хихикнул – так нелепо прозвучало это слово, извлеченное из моей прежней, почти забытой жизни.

Нуфлин не обратил никакого внимания на это дурацкое словечко. Задумчиво кивнул и уставился куда-то в небо. Ждал очередного сеанса огненного душа, я полагаю.

Что касается меня, я и сам не знал, чего мне ждать. Но предполагал, что в ближайшее время мне не светит ничего, кроме неприятностей – в любом случае.

Предстоящая процедура извлечения меча Короля Мёнина из моего тела пугала меня куда больше, чем дальнейшая жизнь без этого могущественного защитника.

Но отступать было некуда, так что к неприятностям я худо-бедно подготовился. К чему я действительно не был готов, так это к полному отсутствию событий.

Ничего не случилось. Небеса больше не порывались обрушить на нас огненный дождь, да и у меня за спиной не шастали зловещие тени каких-нибудь призрачных хирургов, посланцев моего нового делового партнера. Тишина и покой царили в мире, и лишь в моем организме бушевала адреналиновая буря, бессмысленная и беспощадная, как всякое стихийное бедствие.

Через два часа, когда тьма одержала окончательную победу над солнечным светом, я уже был на таком взводе – дальше некуда. Поэтому первые слова Безмолвной речи, возникшие в моем сознании, заставили меня не просто вздрогнуть, а подпрыгнуть чуть ли не на метр.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.